

Легенда о Зодиаке

Автор:

Влада Ольховская

Легенда о Зодиаке

Влада Ольховская

Леон Аграновский и Анна Солари #6

Зодиак – один из самых известных маньяков XX века, так и оставшийся непойманным. В современной Москве у него неожиданно появляется подражатель. Его нападения непредсказуемы, его жертвы ничем не связаны, его письма – откровенное издевательство над полицией, он ничего не боится. Этот убийца, на первый взгляд безумный, может оказаться тем самым противником, который не по зубам даже профайлеру Анне Солари.

Особенно при том, что ее напарник не может полностью сосредоточиться на этом деле. Леон Аграновский не верит, что преступник, стрелявший в Анну, действительно мертв. Он идет по следу, понимая, что может оказаться в ловушке – или наконец покончить с темной историей, тянувшейся много лет.

Влада Ольховская

Легенда о Зодиаке

Пролог

Зима была не очень-то похожа на зиму.

Дождь, колючий и мелкий, барабанил по поникшим елкам, по пластиковым игрушкам и световым шарам. Ветер плел косы из разноцветных гирлянд, развешанных над московскими улицами. Особенно тоскливо приходилось ряженым в длинных шубах: искусственный мех быстро промокал насквозь, и от него становилось лишь холоднее. Они все еще старались изображать улыбки, однако получалось все хуже и хуже. Когда утром и вечером ветер пригонял откуда-то клочковатый туман, праздничное убранство смотрелось потусторонним, как мираж в мире апокалипсиса, а бодрая новогодняя музыка, вырывающаяся из динамиков, казалась издевкой.

Но это не значит, что новогоднего настроения в конце декабря не было ни у кого. Скорее, теперь за создание настроения отвечали не календарь и погода, а собственный энтузиазм. Группы туристов из Азии, шумными волнами покидавшие автобусы, радовались всему без исключения, с восторгом смотрели на каток, занимавший центр Красной площади, и создавали очереди в сувенирные лавочки, похожие теперь на мокрые скворечники.

Приезжие из Европы, в это утро – в основном пенсионеры, наслаждающиеся заслуженным отдыхом, таким энтузиазмом не отличались. Они видели не одну рождественскую ярмарку, их было не так просто впечатлить. Но и они поддавались величественному очарованию архитектуры, а потом все-таки чувствовали что-то почти позабытое, детское, перед елкой, украшенной космическими кораблями.

Гости из провинции не сразу понимали, разочарованы они столицей или нет. Многие приезжали не первый раз и уже не поддавались шарму красных стен Кремля или даже слепящей иллюминации. Они что-то бурчали про отсутствие снега, неудавшийся Новый год и ждали, когда наступит вечер, когда темнота снова сотрет разницу между сезонами, а праздничные огни станут особенно яркими.

Среди этой толпы, совсем небольшой из-за раннего времени, искренне счастливым, пожалуй, казался только один человек. Мужчина лет тридцати пяти, ухоженный, красивый и дорого одетый, медленно прогуливался через парк, даже не пытаясь укрыться от дождя. Напротив, он то и дело поднимал голову к серому небу и замирал, пока его кожи касались ледяные капли. Другие гуляющие, попадавшие на его пути, присматривались к нему с удивлением и настороженностью. Уж не пьяный ли он? А может, сумасшедший? Не пора ли сообщить кому следует?

Но мужчина пьяным точно не был, да и на агрессивного психа никак не тянул. Казалось, что он вновь обрел ту способность безоглядно радоваться Новому году, которую люди обычно теряют лет в пятнадцать, и то если очень повезет. Может, это и было не совсем нормально, но никого больше не беспокоило. Люди с легкостью прощают мелкие грехи тем, кто кажется им красивым.

Мужчина закончил прогулку через парк, у светофора ненадолго остановился, словно раздумывая, куда направиться теперь. Его отвлекла группа туристов из Китая: бедолаги никак не могли найти того, кто их сфотографирует, все куда-то спешили. Мужчина не спешил никуда, он провозился с иностранцами минут десять, и их шумная возня привлекла немало внимания проходивших мимо людей, сотрудников парка и даже не в меру бдительного молодого полицейского.

Кому-то слишком дотошному показалось бы, что мужчина намеренно пытается примелькаться как можно большему количеству людей. Но это, конечно же, были лишь домыслы.

Закончив импровизированную фотосессию, он все же принял решение и свернул на Большой Москворецкий мост. Он и теперь не спешил, двигался расслабленно, насвистывал под нос старую новогоднюю мелодию. Улыбался всем, кто двигался ему навстречу, а они улыбались в ответ – машинально, даже если не хотели, потому что иначе не получалось, слишком уж обворожительная улыбка была у незнакомца.

Он дошел до середины моста и остановился там, оглядывая город – величественный, еще не до конца проснувшийся, но никогда полностью не засыпающий. Он видел дома, и огни, и живой поток машин. Он казался довольным всем и очарованным новогодним настроением.

А потом одним резким, быстрым движением молодой мужчина перескочил через перила и рухнул в мутные воды реки.

Первые секунды реакции не было. Мир застыл, потрясенный таким внезапным переходом от жизни к смерти. Потом, конечно, начались крики, засуетились люди, полетели звонки в далекие службы помощи. Кто-то спешил к берегам, а кто-то оставался на мосту и снимал неспешные волны реки на видео, надеясь, что красивый молодой мужчина вот-вот вынырнет, передумает, хотя бы

попытается бороться за свою жизнь.

Но круги на том месте, где река поглотила его, улеглись, волны вернулись к привычному ритму, а на поверхности он так и не появился. О нем говорили уже в конце часа в новостях – просто как о безымянном самоубийце. К полудню журналисты знали, что он – богатый и влиятельный бизнесмен, успешный, напроць лишенный мотивов покончить с собой. Это добавляло в ситуацию безумия, но не отменяло ее исход.

На второй день поползли слухи, что это была лишь удачная постановка. Мол, молодой бизнесмен решил развлечься, привлечь к себе внимание эпатажем – не он первый, не он последний. Ведь если это было самоубийство, где тело? Нет его! А без тела нет и преступления.

Но спустя пять дней тело нашли – его вымыло течением. Погибшего опознали, все подтвердилось. Предсмертную записку не обнаружили, и никто не мог объяснить, зачем ему это понадобилось. Однако сомневаться, что решение он принял сам, не приходилось: это подтверждали десятки камер наблюдения и не меньшее число свидетелей трагедии.

Домыслов потом было много, а итог – один: в Новый год красивый молодой мужчина так и не вошел.

Глава 1

Джеймс Бонд

Небо, в первые часы рассвета нежно-розовое, постепенно затягивалось облаками, похожими на поблекший перламутр. Море все больше волновалось, с шипением напояая на темно-желтый песок. Прогноз погоды обещал днем шторм, и, похоже, на этот раз синоптики не ошиблись.

Но до шторма оставалось еще несколько часов – Анна Солари хорошо это чувствовала. Шторм – та же гроза, только морская, а с грозой у нее были особые отношения. Поэтому Анна безо всяких прогнозов знала, что у нее еще часов пять

до того, как природа по-настоящему зарычит на людей.

Пока же в надвигающемся непокое было что-то чарующее. Старые сосны волновались под натиском ветра, и запах хвои в воздухе усиливался, переплетаясь с тяжелым сладковатым запахом соли Балтийского моря. Мир становился похож на ожившую картину, и это завораживало. Анна сначала остановилась, чтобы перевести дыхание, а теперь не удержалась, сошла с беговой дорожки на пляж. Песок под ногами был пружинистым, вязким из-за ночного дождя, и идти по нему следовало осторожно, потому что если он попадет внутрь беговых кроссовок – ощущения будут так себе. Однако этого небольшого риска было недостаточно, чтобы удержать Анну в стороне от побережья. Она добралась до самой границы прибоя, остановилась, разглядывая шипящую пену. Возможно, где-то прямо у нее под ногами таились осколки янтаря, вынесенные предыдущим штормом. У нее не было настроения искать их. Хотелось смотреть не вниз, а вперед – на неровный морской горизонт. Потому что там была свобода.

Анна еле заметно улыбнулась, вдыхая прохладный морской воздух. Пожалуй, сегодня она впервые почувствовала себя свободной, как раньше, и это было важное достижение.

Потому что свобода – это ведь не только формальность. Иди куда хочешь, денег хватает, пожалуйста! Нет, настоящая свобода – это полный контроль над своей жизнью. И никакие деньги тебе не помогут, если ты не можешь просто взять и подняться с кровати, когда тебе захочется, не можешь пойти куда угодно в одиночестве, ведь тебе в любой момент может стать плохо. Не то чтобы Анна не знала об этом раньше, просто события предыдущих месяцев вновь заставили ее оценить то, что так легко потерять.

Они были тяжелыми, эти месяцы. В начале осени она чуть не умерла – не первый такой опыт в ее жизни, но легче от этого не становится. Потом последовали мучительно бесконечные дни восстановления, первые робкие попытки самостоятельно сидеть, вставать, ходить. Это давалось ей медленнее, чем хотелось бы, и она злилась на себя, на то, что не могла изменить.

Ее лечащий врач в ответ на такие жалобы страшно ругалась. Мира Сардарян прекрасно знала, что Анне повезло – и что все ее мучения были еще не худшим развитием событий. Да и Анна вроде как все это знала, но восторга не испытывала. Они так и спорили о лечении, реабилитации и уровне физических

нагрузок, а время все-таки шло. Полгода растянулись в целую жизнь, но Анне наконец было дозволено снова тренироваться, и она постепенно начала приводить себя в прежнюю форму.

Тут и обнаружилась еще одна проблема: Леон. Точнее, проблемой он не был. Сложно было назвать проблемой единственного в мире человека, которого она считала своей семьей. Но у такой близости есть и недостатки: на правах ее партнера Леон мог беспокоиться о ней и следить, чтобы она не слишком усердствовала. К тому же, после покушения он боялся за нее даже больше, чем раньше. А уж после того, как Юпитер подобрался к ее кровати прямо в убежище!.. В общем, Леон отказывался оставлять ее одну, если не сидел с ней сам, то просил кого-то из друзей. И чем сильнее Анна становилась, тем больше ее это раздражало.

Смерть Юпитера угостила Леона, заставила вздохнуть спокойней. Но Анне все равно потребовалось немало времени, усилий и даже скандалов, чтобы отвоевать свое право на одиночество. Ее первым триумфом стали такие вот пробежки вдоль пустынного морского побережья. Она прекрасно знала, что Леону в такие часы тревожно, однако ему нужно было научиться жить с этим.

Она любила Леона не меньше, чем раньше, но и в одиночестве тоже нуждалась, одно вовсе не исключает другое. Одиночество позволяло ей тонко чувствовать свое тело, понимать, где остались уязвимости, насколько она близка к себе прежней. Но еще одиночество было порой, когда можно навести порядок в собственных мыслях.

Вот и теперь, стоя на берегу хмурающейся Балтики, Анна не могла думать ни о тренировках, ни о реабилитации, ни даже о Леоне, ожидающем ее в их небольшом домике. Мысли сами собой устремлялись к Юпитеру, потому что серые волны напоминали ей о нем. Леон, скорее всего, не обрадовался бы, узнав, как много она размышляет об этом. Но ему не обязательно знать о ней все без исключения.

Юпитер был огромной частью ее жизни, и глупо было делать вид, что это не так. Поэтому, когда он посреди ночи появился возле ее кровати, она, конечно же, была напугана. Сложно не испугаться человека, который тебе в живот выстрелил! Но какая-то часть Анны, непонятная даже ей самой, чувствовала если не радость, то хотя бы облегчение. Она понимала, что теперь получит ответы – так или иначе.

Она, как ни старалась, не могла списать нападение Юпитера на каприз или помешательство. Да, они больше не были друзьями и уж лет сто как перестали быть любовниками. Но они оставались людьми с общим прошлым, и это прошлое, как ни крути, сформировало их, определило, помогло выбраться из того болота, в котором бросили их другие люди. Все, что Анна знала о Юпитере, указывало: он не мог так поступить. Но поступил. А потом уже все завертелось: она перешла на шантаж, втянула в это Леона, круг стал замкнутым и порочным... Однако над всеми последующими событиями все равно серым грозovým небом висело непонимание.

Почему? Почему ты вдруг предал немую, но обоим понятную договоренность?

Она не раз пыталась представить, как задаст ему этот вопрос, какой будет реакция. Анна понимала, что встреча с ним лицом к лицу не в ее интересах, и верила, что на фантазии все и остановится. Но сложилось иначе – и раз уж он теперь здесь, вопрос придется задать. Не то чтобы знание причины сделает ее возможную казнь приятней и легче... И все же сейчас Анне проще было сосредоточиться на вопросе, а не на грозящей ей опасности или судьбе Леона, который тоже был в доме и тоже мог пострадать.

Юпитер владел собой не хуже, чем она. Пожалуй, в ту ночь даже лучше – он ведь не был ранен и прикован к постели! Поэтому в первые секунды после вопроса, когда он молчал, Анна никак не могла разобрать, что означает это молчание: насмешку? Злость? Презрение?

А потом он все-таки заговорил.

– Я бы предположил, что ты сошла с ума. Но я вижу. Вижу, в каком ты состоянии. До меня доходили кое-какие слухи о том, что с тобой случилось, да только я не верил. С чего мне верить? В этих слухах была и моя роль, и я знал, что это бред. Следовательно, неверно было и все остальное. А теперь вот я вижу, что часть слухов была правдой. И не понимаю я только одного: как ты могла подумать, что я способен на тебя напасть?

Ей хотелось обвинить его во лжи, но Анна сдержалась. Во-первых, Юпитер никогда не врал ей, это было частью той странной дани друг другу, которую они платили за общее прошлое. Во-вторых, сейчас у него просто не было причин лгать. Он полностью контролировал ситуацию, он мог убить ее в любой момент,

а она, в свою очередь, ничем не могла его сдержать, и даже компромат, который она добыла, в тот миг был бесполезен. Нет, Юпитер был честен с ней.

Но и она не собиралась так просто сдаваться! Анна была убеждена, что правда на ее стороне. Это ведь не догадки, она сто раз прокручивала в памяти тот день и убеждалась, что напасть на нее мог один лишь Юпитер!

Он вызвал ее в место встречи, о котором знали лишь они двое. Он отправил сообщение на номер, который мало кому известен. Он использовал код, который они заранее обговорили. Знак доверия между ними! В этом отношении, Юпитер знал о ней то, что не было известно даже Леону. Так кто еще мог стрелять в нее на лесной дороге?

Все это Анна и объяснила ему теперь. Из-за ранения она быстро уставала, и днем, возможно, не выдержала бы такой разговор. Но сейчас злость придавала ей сил, отгоняя болезненную слабость.

Он выслушал ее все с тем же непроницаемым выражением лица. Вопросов не задавал, однако спорить и насмехаться тоже не пытался. Юпитер просто слушал и смотрел, закрытый и от мира, и от нее. Поэтому, закончив, Анна понятия не имела, какой будет его реакция. И хорошо, что не стала гадать, потому что все равно ошиблась бы. Юпитер поступил так, как она ожидать не могла.

Он подошел ближе и опустил перед ее кроватью на колени, так, чтобы их лица были на одном уровне. В комнате по-прежнему царил ночной мрак, и все равно она видела перед собой его глаза – горящие, темные, как будто черные. Анна почувствовала, как он обеими руками берет ее руку. Это его привычка из прошлого, из тех времен, когда все было хорошо, а будущее казалось общим. Анна сочла бы, что это запрещенный прием, если бы не понимала: Юпитер вряд ли продумывал это как часть стратегии. Просто сделал, что хочется, что казалось правильным, потому что иначе поступить не смог бы. Он сейчас волновался не меньше, чем она, и когда он снова заговорил, его голос дрожал, а такого она не слышала уже много лет.

– Я хочу, чтобы ты знала. Я бы никогда. Я понимаю, почему ты поверила в это. Я бы тоже на твоём месте поверил, и я знаю, что дал тебе достаточно причин. Но все равно – никогда!

- Но если не ты... как это вообще могло произойти?

- Это не я, но это, боюсь, из-за меня.

Так она и выяснила, что все тайные коды и места встреч, назначенные ими на крайние случаи, знал не только Юпитер. Кому-то он сообщил об этом добровольно - чтобы об Анне позаботились, если с ним что-нибудь случится. У кого-то из его приближенных была возможность самостоятельно разобраться, что к чему. Юпитер оставался одиночкой по натуре, но его бизнес достиг такого масштаба, когда доверенные лица все-таки нужны.

Некоторое время это не имело значения. Он и Анна соблюдали дистанцию, отгородились друг от друга неприязнью к настоящему и не вспоминали прошлое. Но из-за ранения Юпитера их пути снова пересеклись, и он стал обращать на нее больше внимания. Он неохотно признал, что во многом это случилось из-за Леона. Раньше у Анны были друзья и были любовники - временные, потому что жизнь все равно идет своим чередом. Но никого еще она не подпускала так близко, и Юпитер это увидел.

- Поверить не могу, что ты приревновал, - устало улыбнулась Анна.

- Сам от себя не ожидал. Я даже не сообразил, как это все зашло слишком далеко. Но кто-то, похоже, заметил.

Юпитер стал все чаще отвлекаться на то, что его совсем не касалось - дела Анны и Леона. Это вредило бизнесу. Возможно, кто-то счел, что это стало слишком опасно. Возможно, была какая-то другая причина, скрытая ото всех. Но Анну решено было убрать.

Это и служило лучшим доказательством того, что на преступление пошел союзник Юпитера. Его враг напал бы на него, такое уже случалось. Однако его предполагаемый друг хотел не уничтожить Юпитера, не отстранить его от дел, а вернуть его гений на служение бизнесу. И у него почти получилось: если бы Анна умерла на той лесной дороге, Юпитер никогда не узнал бы, что это связано с ним. Конечно, он бы злился, он искал бы убийцу. Но каковы шансы, что он стал бы искать гадюку в собственном доме? Да почти никаких!

И снова у Анны не возникло сомнений, что он честен с ней. Он был задет этим – почти раздавлен. Это ведь странно. Не так давно, когда он пришел на ее порог тяжело раненым, умирающим, его гордость осталась нетронута. Он знал, что нуждается в помощи, но даже эту помощь он принимал с королевским смирением. Теперь же его абсолютная уверенность в себе пошатнулась, потому что его ошибка, пусть и ненамеренная, дорого обошлась им обоим.

Вот тогда Анна и почувствовала, что ей жаль его. Ей, прикованной к постели и опутанной трубками и проводами, жаль того, по чьей вине это произошло! Но дело было не в этом, не в самом событии. Она вдруг увидела в нем, совсем ненадолго, человека, которым он был когда-то – и, к ее удивлению, оставался до сих пор хотя бы отчасти.

Хорошего человека, который потом превратился в чудовище.

Это повлияло на нее сильнее, чем она ожидала. Анна осторожно высвободила свою руку из его рук и провела пальцами по его щеке – еще одно напоминание о прошлом. Он смотрел на нее так, будто ожидал удара, и от удара было бы легче. Но подыгрывать она не собиралась.

– Вот, значит, как. Но моя вина в этом тоже есть, правда? – только и сказала Анна.

Она не кривила душой, теперь она действительно допускала такую возможность. После покушения она ни разу не поговорила с самим Юпитером – хотя он пытался. Но ей казалось, что только так и нужно себя вести! Она и мысли не допускала, что он может не знать о случившемся. У нее ведь были доказательства, разум и логика оставались на ее стороне. Ну а то, что инстинкты шептали о его невинности, не так уж важно. Она верила ему до последнего – и получила пулю в живот. Разве это не лучшее доказательство того, что о чувствах пора забыть?

Теперь уже, с позиции нового знания, она видела, насколько все было бы проще, если бы она все-таки поговорила. Да хотя бы сняла трубку! Похищение Никиты Давыдова можно было свести в шутку. Не существовало бы компромата против Юпитера, который могла использовать не только Анна, но и любой, кто добрался бы до этих сведений. Не было бы затаенной вражды и обиды. Однако случилось то, что случилось, жизнь назад не отмотаешь, только и остается, что

справляться с последствиями.

– И что теперь? – спросила она. А потом, подумав, назвала его по имени.

По тому имени, которое знала только она. Это не было стратегией, даже если походило на таковую, для стратегий Анна слишком устала. Имя сорвалось само собой, после всех воспоминаний, и она почувствовала, как он вздрогнул.

С ответом Юпитер не торопился, но когда он все-таки заговорил, его голос вновь звучал ровно и уверенно.

– Ты должна знать, что я зла не держу. Даже за Никиту, хотя не стоило тебе втягивать его в это. Он-то, в отличие от нас с тобой, не виноват вообще ни в чем.

– Я знаю. Прости.

– Не важно уже. Все началось с меня – с моей ошибки в расчетах. Значит, исправлять тоже буду я. Для тебя история закончилась, не делай ничего, тебя это не коснется.

– А что собираешься делать ты?

– Не думай об этом.

Значит, ничего хорошего. Но стоило ли ожидать иного? Анна прекрасно знала, что остановить его уже не сможет. Есть моменты, когда нужно сосредоточиться на самосохранении, даже если от этого на душе гадко.

– Значит, я уже вне игры?

– Да, теперь игра полностью моя, – кивнул Юпитер. – Не ищи в этом лишней доброты. Крыса, которая напала на тебя, угрожает в первую очередь мне. Если кто-то решил, что может мной манипулировать, через тебя или еще как, я заставлю его осознать свою ошибку – всеми доступными методами. Но тебя это больше не касается.

– А Леона?

Анна знала, что ему неприятно будет это слышать. Леон ему до сих пор как кость поперек горла! Но ничего, переживет.

– Снова он. Да не собираюсь я трогать ни его, ни тех, кто рядом с тобой. Но... неужели этот Аграновский настолько важен?

– Сам знаешь, что да.

– Что, он превзошел меня?

Прозвучало добродушно, почти шутливо, однако Анна не позволила себе обмануться. Сейчас не та ситуация, когда Юпитер шутить будет. Он и так не любит Леона, и не нужно эту нелюбовь разжигать. Тут вопрос с подвохом, и лгать нельзя, но и ляпнуть пафосную глупость вроде «Да, он лучше!» тоже опасно.

– Он не то чтобы превзошел. Думаю, он – это человек, которым стал бы ты, если бы не... сам знаешь что. Вы похожи больше, чем оба готовы признать.

С ответом она угадала, Юпитер тихо засмеялся.

– Шах и мат, как всегда. Поправляйся. И... прости меня.

Он ушел, так и не сказав, что планирует делать. Леон, которого на время разговора сдерживали люди Юпитера, рвал и метал, он верил, что все это – ловушка, часть очередного плана. Анна не стала разубеждать его, она просто ждала новостей, не сомневаясь, что они будут громкими. Если уж Юпитер взялся за чистку своего ближайшего окружения, ожидать можно чего угодно, вплоть до войны!

Его ночной визит состоялся осенью. А в конце декабря Юпитер покончил с собой.

Точнее, с собой покончил Вадим Смоленский – молодой преуспевающий бизнесмен, звезда экранов, удачливая медиа-персона. У Смоленского было все: деньги, перспективы, признание, обожающие его женщины и верные друзья. Одного только не было – причины сводить счеты с жизнью. Тем не менее, незадолго до Нового года он без сомнений прыгнул с моста. Эффектный способ

уйти, хлопнув дверью, который оценят зрители, однако возненавидят все те, кому придется нести за это ответственность.

Потом еще долго, весь январь и часть февраля, не утихали споры о том, почему Смоленский так поступил. Кто-то припомнил историю с покушением на его жизнь, так и оставшуюся неподтвержденной. Другие твердили о депрессии. Токшоу выкапывали из темных углов бывших любовниц, якобы внебрачных детей и даже сомнительных доверенных лиц. История смерти Вадима Смоленского обрастала сплетнями, как дно корабля – полипами, и правда оставалась все дальше.

Собственно, правду не знал никто, кроме самого Вадима Смоленского. Просто были люди, догадки которых стоили куда больше, чем мнение толпы. Как правило, это были те, кто знал, что Вадим Смоленский и Юпитер – одно лицо.

Своя версия случившегося была и у Анны. Она ни на секунду не поверила, что Юпитер действительно мог убить себя. Уж если он не сделал этого в самый черный период своей жизни, то теперь – точно нет! Он хотел мстить, а не сдаться, это к суициду не ведет.

Так что самоубийство Вадима Смоленского было всего лишь игрой на публику. Это имя было в центре компромата, который Анна вынудила его создать. Следовательно, «засвеченную» личность нужно было удалить.

На словах, упрощенно, все это казалось не таким уж сложным. Но Анна прекрасно понимала, что это обернется Юпитеру огромными потерями – и финансовыми, и репутационными. Вряд ли он так уж беспокоился о деньгах, они ему всегда легко доставались. Репутация – другое дело, к ней Юпитер относился с огромным вниманием, но иногда жертвы необходимы. Отсечь собственную руку, чтобы не умереть от гангрены – вот что он сейчас делал.

Анна не была уверена, что у него все получится, но в том, что он жив, она не сомневалась. Даже когда интернет заполнили фотографии изуродованного тела Смоленского, выловленного из реки. Инсценировать смерть не так уж сложно, это только начало проекта. Гораздо сложнее выжить потом, когда твое убийство не считается преступлением, ведь тебя вроде как нет. Порой ей даже хотелось помочь ему, однако она осознавала, насколько это желание по-детски наивно. Юпитер не зря скрыл от нее свой план, он ясно дал понять, что ее

участие в этой истории закончилось.

Они с Леоном обсуждали все это редко и мало, по-другому не получалось. Анна знала, что Леон терпеть не может Юпитера – возможно, даже ненавидит. Она же эту ненависть не разделяла, и им проще было молчать о нем, чем говорить. Но Леон тоже знал, что Юпитер жив, он бы на такой примитивный отвлекающий маневр не попался, только не после всего, что было.

Поэтому он долго отказывался оставлять Анну одну – даже когда она вернула способность самостоятельно передвигаться. Анна попыталась обратиться к Мире, и врач поддержала ее:

– Опасности нет, если она в ближайшие месяцы не вздумает таскать штангу или беременеть. Во втором случае можете обратиться ко мне, я скажу, как минимизировать риски. В первом случае, я вас этой штангой и убью. Я не для того проводила ювелирную операцию, чтобы вы все испортили.

Мира подтверждала, что здоровые нагрузки Анне нужны. Леон с этим не спорил, он просто повсюду таскался с ней – и в бассейн, и в тренажерный зал, и на пробежку. Это, при всей ее любви к нему, начинало раздражать и вскоре обернулось необходимым скандалом.

Тогда они и пришли к компромиссу. Леон согласился сдерживать свои благородные порывы, но они вдвоем уехали в отдаленный поселок на берегу Балтийского моря, где у Анны был маленький дом. Она редко им пользовалась, в основном летом, но сейчас это место казалось идеальным, чтобы позабыть о проблемах большого города и сосредоточиться на выздоровлении. Теперь Анна могла по часу бегать вдоль моря, не опасаясь, что ее постоянно кто-то преследует. Но выигранным доверием она старалась не злоупотреблять и в пути никогда не задерживалась.

Вот и теперь она бросила прощальный взгляд на темнеющее море и вернулась на привычный маршрут.

Мысли о Юпитере отошли на второй план, сменившись желанием уехать. Оно появилось не первый раз – и с каждым днем становилось все сильнее. Боли давно уже отступили, как и приступы слабости. Она еще не вернулась к своей прежней форме, но была близка к этому. А главное, ей становилось скучно.

Анна терпеть не могла оставаться без работы, это вгоняло ее в тоску, граничащую с отчаянием. В первые недели после ранения лекарства превращали ее мысли в невразумительную кашу, периоды ясности были редкими и недолгими, работать она толком не могла. Потом стало легче, но о том, чтобы помогать полиции в таком состоянии, и речи не шло. Анна сосредоточилась на написании книг и научных работ, гонорары за которые всегда составляли значительную долю ее дохода.

Но теперь и это ей осточертело. Ей нужен был вызов – даже если Леон считал, что она еще не готова. Подбегая к дому, Анна прикидывала, как бы обсудить с ним это, как убедить, что им уже пора возвращаться в большой город, потому что здесь жизнь в буквальном смысле проходит мимо нее.

Однако, когда она добралась домой, придумывать причину не пришлось. Анну уже ожидало письмо с настоятельной просьбой о помощи. Возвращение в Москву из далекой и туманной перспективы стало вопросом пары дней.

* * *

Убийства в доме жертвы – самые худшие. Так, по крайней мере, всегда казалось Антону Чеховскому. Другие следователи наверняка могли бы поспорить с ним, припоминая то, что им казалось примерами пострашнее. Например, убийство возле детской площадки, где малышня увидит последствия кровавой расправы. Или в грязи, на помойке, как последнее издевательство над жертвой. У каждого свои представления об ужасе.

Но разубедить Антона им бы уже не удалось, он слишком долго работал в полиции, чтобы менять свое мнение. Нет, убийство в доме – это худшее. Потому что от трупа нужно отстраниться, не думать о том, что это был живой человек, которого больше нет. В любом месте это получится, только не в доме жертвы. Там найдется тысяча деталей, которая мгновенно расскажет достаточно внимательному полицейскому о том, кем погибший был, о чем мечтал, к чему стремился, что так и не успел. А это плохо – бьет по эмоциям, подрывает объективность.

Оказавшись в домах откровенных маргиналов, Антон особых душевных терзаний не чувствовал. Но такое с ним в последнее время случалось весьма редко. Антон

Чеховский по праву считался одним из самых талантливых следователей, ему доверяли сложные и особо важные дела, теперь уже никто не стал бы тратить его время на «бытовуху». Побочным эффектом стремительно развивающейся карьеры стало то, что дома жертв теперь были домами обычных людей, чьей-то больной волей навсегда вычеркнутых из жизни.

Вот и теперь Антон задумчиво осматривал небольшую квартирку, ставшую арендой кровавой расправы. Площадь совсем маленькая, по документам – двушка, по факту – полторы комнаты. Проходная гостиная и крохотная спальня. До спальни в этот раз дело не дошло, трагедия разыгралась в большой комнате.

Хотя для того, чтобы увидеть здесь трагедию, нужно было приглядеться. На первый взгляд казалось, что за накрытым столом просто сидит молодая женщина, нарядная, ожидающая гостя. И лишь при более внимательном осмотре становились заметны разводы крови на темных обоях и багровая лужа, собравшаяся под стулом жертвы.

Убийца не хотел, чтобы она выглядела мертвой. Нет, уходя, он сделал все, чтобы она осталась такой, какой и встретила его. Антон даже не брался пока сказать, как именно была убита молодая женщина. Он только видел, что крови вытекло очень много – если бы она не жила на первом этаже, соседей снизу ожидал бы неприятный сюрприз на потолке.

Пока рядом с телом возились эксперты, внимательные и настороженные, Антон подошел к оперативнику, о чем-то беседовавшему с бледным, совсем еще молодым участковым. Антон его не вызывал, но признавал, что это не самый плохой источник информации.

– Так кто она? – спросил он.

Антон видел, как эксперт сдвигает в сторону волнистые волосы женщины, обнаруживает, что одно ухо отрезано, и начинает озадаченно его разыскивать. Участковый это тоже заметил, пошатнулся, однако в обморок так и не грохнулся.

– Дина Курцева, – с трудом произнес он. – Двадцать три года, сюда переехала два года назад.

Антон обвел красноречивым взглядом потрепанные обои, старую мебель и засиженную мухами тканевую люстру.

- Не похоже на квартиру двадцатитрехлетней женщины.

- Квартира раньше принадлежала ее бабушке, Курцева унаследовала, но денег на ремонт не было. Жила одна, не замужем, детей нет, из родни – только мать, живет в Нижнем Новгороде, с ней пока связаться не удалось.

- Поразительная осведомленность, – оценил Антон.

- Да это я не сейчас, так совпало... Я еще до убийства это про нее знал. Мы общались.

- По поводу?

Участковый готов был ответить, однако в этот момент эксперты сдвинули тело. Из раны на животе выплеснулась волна застоявшейся крови – видимо, собравшейся в какой-то полости. Паренек испуганным оленем сорвался с места и покинул квартиру. Антон и оперативник перекинулись понимающими взглядами. Оперативник остался на месте, а следователь неспешно двинулся к выходу.

Эта неспешность себя оправдала: когда он добрался до улицы, молоденького участкового как раз прекратило выворачивать наизнанку под кустом сирени.

- Недавно на этой работе? – сочувствующе поинтересовался Антон. Сочувствие было искренним: он не сомневался, что паренек надолго в полиции не задержится.

- Пару месяцев. Я извиняюсь. Просто это у меня первый раз так: вот говоришь с человеком, а через несколько дней его нет.

Антон подозревал, что это еще и первый раз, когда участковому приходится видеть труп в таком состоянии. Но следователя это не касалось, ему нужны были факты.

- По какому поводу вы с ней общались?

– Она сама ко мне приходила, потом я сюда приходил, – пояснил участковый. – У нее были проблемы с соседями. Ну, музыка по ночам и все такое... обычное. Она была настойчивой, тут проще сделать, чтобы она отстала.

– И что же вы сделали?

– Приехал сюда. Послушал. Ну, была там музыка. Как по мне, не такая уж громкая, но она бесилась. Короче, сходил я туда, поговорил. Там студенты квартиру снимают. Обещали больше не делать. Раз она мне не звонила, я решил, что они все выполнили. А теперь – это!

Разногласия по поводу музыки на мотив такого жестокого убийства никак не тянули. Если этот мотив вообще есть! Антон пока мало что знал об убийстве, но видел, что оно необычное. Столько крови, странная поза трупа и обстановка, больше похожая на декорации к спектаклю. Все это оборачивалось дурным предчувствием, и следователю оставалось лишь надеяться, что оно не сбудется.

Впрочем, если бы здесь все было просто, его бы и не вызвали.

Со стороны могло показаться, что следователь не проявляет к делу особого интереса, что он брезгует или даже боится, как участковый. Но так подумал бы лишь тот, кто плохо знал Антона Чеховского. Он умел наблюдать ненавязчиво, узнавать, не спрашивая, подмечать то, на что ему не указывали напрямую. Поэтому уже к вечеру то, что сначала казалось кровавым калейдоскопом, сложилось в единую картину.

Дина Курцева родилась в Нижнем Новгороде, но после смерти бабки, когда ей досталась квартира, переехала в Москву. Она устроилась товароведом в небольшой книжный магазин. Там ею были вполне довольны: работу выполняла хорошо, не воровала, конфликтовала с коллегами, а вот с покупателями была мила. И, что еще важнее, соглашалась работать за весьма скромную зарплату, что сразу добавляло ей очков в глазах начальства.

Коллеги отзывались о Дине куда сдержанней. Они уже выяснили, что она мертва, и очернять ее не собирались. Но и дикого восторга в отношении погибшей не испытывали. Их мнение во многом сходилось с мнением соседей, причем не только тех, к кому она вызвала участкового.

В свои двадцать три года Дина вела себя скорее как угрюмая пенсионерка. Она ото всех требовала безукоризненного выполнения правил – даже тех, которые никто никогда не выполнял. Она жутко злилась на любое проявление своеволия или недостаточного рвения на работе. В свободное время она строчила жалобы на малейшее нарушение со стороны соседей по подъезду. Улыбающейся Дину видели редко, чаще всего она представляла перед людьми мрачной и суровой, как римский полководец.

С личной жизнью у нее тоже не ладилось. Отчасти это можно было объяснить ее отношением к миру, отчасти – тем, что Дина отличалась болезненной полнотой. Антон Чеховский и сам был мужчиной пухлым и к чужому весу обычно не придирался. Но в этом случае даже он был вынужден признать, что у Дины была проблема. С мужчинами ее никто никогда не видел, на работе она всем говорила, что ей такое и не нужно.

Но судя по тому, что произошло в вечер убийства, Дина лукавила. Ее квартира была чисто убрана, стол накрыт на двоих, блюда, так и оставшиеся нетронутыми в холодильнике, – из тех, которые интернет рекомендует готовить для соблазнения возлюбленного. Дина была нарядно одета, с укладкой и вечерним макияжем... Она ждала кого-то. Кто это был и как они познакомились – следствию еще предстояло разобраться. Но в том, что именно этот человек ее убил, Антон практически не сомневался. Квартиру не вскрывали, Дина сама открыла дверь, да и следов борьбы на ее теле не осталось. Ей просто не повезло нарваться на какого-то психа – но психи обычно не слишком осторожны, и поймать убийцу будет несложно.

По крайней мере, в это верил Антон Чеховский. А потом пришли результаты экспертизы, и все стало очень, очень плохо.

Не то чтобы псих-убийца – это хорошо. Но при таком раскладе хотя бы велики шансы поймать его, пока он не оборвет еще чью-то жизнь. Вот только в случае Дины Курцевой оказалось, что он уже успел это сделать. Жертвы было как минимум две, а это тянуло на серию.

Когда гость пришел, он не вызвал у Дины настороженности. Она впустила его, села с ним за стол, выпила вина. Вино, скорее всего, принес он. Или успел подмешать туда снотворное, когда хозяйка квартиры отвернулась, но это было бы сложнее. В любом случае, Дина скоро уснула – это и стало началом конца. Судя по тому, что соседи не слышали ни одного крика, проснуться ей было не

суждено. Учитывая все, что произошло с ней дальше, оно и к лучшему.

Убийца вскрыл ей живот, перерыл внутренние органы и закрыл рану. В размышлениях о деле Антон использовал именно это слово – «перерыл». Оно было достаточно нейтральным и позволяло не вдаваться в подробности, не меняя при этом суть. Жестокое, кровавое убийство. Но по-своему аккуратное. Одежду преступник не трогал, он сначала снял с Дины нарядное платье, потом снова надел, хотя кровью оно все равно пропиталось. Ему важно было, чтобы в сцене смерти сохранилось как можно больше намеков на жизнь.

Это могло означать, что убийца безумен, но вовсе не обязательно. Антону уже доводилось сталкиваться с преступлениями, где только изображались поступки маньяка – чтобы навести полицию на ложный след. Поэтому он собирался проработать все возможные версии, связанные с убийством Дины: долги, месть, ограбление даже. Но потом состоялось вскрытие, и отношение к делу пришлось резко поменять.

Насчет метода убийства Антон не ошибся: жертву действительно вскрыли. Но не просто так. Для преступника это не было игрой, он кое-что зашил внутри живота жертвы. А поскольку живот у Дины был достаточно объемным, очевидно это не было, чудовищный тайник обнаружили лишь судмедэксперты.

– Вы нашли там... что? – переспросил Антон.

Судмедэксперт перевел на него усталый взгляд. Он вымотался настолько, что не мог даже удивляться, да и видел на своем веку достаточно много, чтобы защититься непробиваемым щитом цинизма и уже не реагировать на такие находки.

Ответил он просто и безучастно.

– Человеческую челюсть. Нижнюю.

– Но это не ее челюсть?

– Нет. У нее изъяли ухо, на месте преступления его нет. А челюсть не ее. Это все есть в отчете.

Отчет и правда был беспощаден. Там значилось, что челюсть совсем не старая, что ее очистили непрофессионально – следовательно, убийца не выкопал ее на ближайшем кладбище, он забрал челюсть у другой жертвы! Такое не делают для того, чтобы замаскировать бытовое убийство.

Да и потом, при всем безумии своих поступков, сам убийца был весьма умен. На месте преступления не нашли ничего, что указало бы на него: никаких отпечатков пальцев или появлений перед соседями. Выполняя свой дикий ритуал, он поступал достаточно умно и расчетливо, чтобы сохранить свободу.

Вряд ли он остановится. Такие не останавливаются. Разобраться в том, как мыслит это существо, Антон, при всем своем опыте, даже не надеялся. Ему нужен был человек, у которого это получится куда лучше, а главное, быстрее.

И хорошо, что он знал такого человека.

* * *

Возвращение в Москву вызывало у Леона двойственные чувства.

С одной стороны, он и сам устал до тошноты от сонного ритма провинциальной жизни. Один день там мало чем отличался от другого, и все они сливались в сплошную серую череду. Это противоречило его природе, Леону нужно было думать, действовать, побеждать и противостоять. Но здесь это было не нужно, провинция у моря мирно спала.

С другой стороны, он все еще беспокоился за Анну. Он прекрасно знал, что Юпитер на самом деле не утопился. Такие не тонут! От всей этой постановки с самоубийством, пожалуй, становилось даже хуже. Пока Юпитер разгуливал в образе Вадима Смоленского, за ним, по крайней мере, можно было следить. Теперь же никто, включая Анну, не мог разобраться, где он затихарился и что планирует. С этой точки зрения, оставаться на побережье все-таки было безопасней.

Но настал момент, когда от него уже ничего не зависело. Анна сама объявила, что им пора возвращаться. В шутку она говорила о таком и раньше, он ей возражал – это стало чем-то вроде общей игры. Однако на сей раз вышло по-

другому, он сразу почувствовал разницу. Во взгляде Анны четко читалось: если он попытается ей мешать, она просто вывернется из его рук, исчезнет, потому что ограничивать ее свободу нельзя.

Да он и не собирался. Леон признавал, что теперь, после случившегося, будет бояться за нее больше, чем раньше, но это было его проблемой. Он ведь знал, с кем живет! Спокойной ее жизнь никогда не будет, и если он хочет остаться рядом, ему нужно смириться.

В самолете он даже размышлял о том, что им, возможно, следовало бы вернуться раньше. Потому что тогда у них было бы несколько дней на адаптацию, все происходило бы на их условиях. Теперь же им сразу предстояло вмешаться в расследование. Хотя, может, так лучше – как нырять в холодную воду, проще сразу с головой?

Он не спорил о том, стоит ли им ввязываться. Во-первых, Анна устала от бездействия даже больше, чем он, ей это нужно – почти как программа реабилитации. Во-вторых, просьбу о помощи прислал не кто-нибудь, а Антон Чеховский. Такие следователи просто так привлекать консультанта не будут. Да при пришедшей встрече Чеховский сам вопил, что видеть не желает ни Анну, ни Леона! Чтобы его приоритеты так резко поменялись, должно было произойти нечто экстраординарное.

Однако встретиться с Чеховским им предстояло только завтра утром, это единственная уступка, на которую согласилась пойти Анна. И только потому, что сначала им нужно было вселиться в новый дом.

Леон знал, что ей неприятно покидать бункер. Они говорили об этом редко и мало, но ему хватило. Это ему казалось, что та подземная нора отвратительно подходит для жизни. Для Анны это был дом, который защищал ее много лет, к которому она прикипела, в котором чувствовала себя в безопасности.

Но теперь это должно было измениться, по-другому – никак. Прелесть бункера была в том, что о нем практически никто не знал. Теперь же тайна была раскрыта не только Юпитеру (с этим еще можно было смириться), но и его шестеркам, среди которых затесался предатель. Понятно, что ни о какой безопасности тут и речи не шло! Анна сама сказала, что жить придется в другом месте.

- В каком? – спросил тогда Леон.

- Увидишь.

Ответ ему не слишком понравился, но он решил не давить. Это для Анны переезд из бункера был травмой. Для Леона смена места жительства не имела никакого значения, он и без того арендовал квартиру. Неудобство заключалось разве что в том, что теперь он не знал, когда закончится их поездка.

В аэропорту он собирался взять такси, но Анна остановила его, отказалась давать пояснения и с загадочной улыбкой потянула за собой на долгосрочную стоянку. Там их уже дожидалась белая «Ауди» – вне всяких сомнений, только из салона.

- Только не говори мне, что она твоя, – поразился Леон.

- А смысл что-то говорить, если у меня ключи есть?

- Как ты умудрилась это повернуть?

- Невелик фокус. У меня, знаешь ли, есть не только враги, но и друзья.

- Давай я хотя бы поведу!

Предложение было не чистой вежливостью. Леон прекрасно помнил, когда Анна последний раз сидела за рулем – когда истекала кровью после покушения! Он опасался, что из-за этого теперь могут начаться проблемы.

Сама Анна тоже вряд ли забыла о том случае, но ничего похожего на страх по этому поводу не испытывала. Она уверенно села за руль и принялась настраивать под себя зеркала.

- Шутишь, да? Я тебе эту игрушку в жизни не отдам!

- Но ты ведь скажешь мне, если почувствуешь себя плохо?

В ответ Анна придавила его тяжелым взглядом:

– Издеваешься, что ли? В той дыре плохо не было, а здесь будет? Все, хватит, отдохнули уже! Если бы я хотела покататься на пассажирском, я бы позволила тебе вызвать Ярика.

Ярослав уже знал, что Леон и Анна возвращаются – и был этому рад больше, чем все остальные. Все эти месяцы он вел дела один, их новый сотрудник, Ренат Шауров, был скорее инвестицией в будущее, чем реальной помощью. А поскольку Ярик никогда не отличался трудоголизмом, можно было уверенно сказать, что ему этот период дался нелегко. Леон не собирался продлевать его испытание, параллельно с расследованием он готовился вернуться в компанию – но лишь на следующей неделе.

Ярик не понимал, зачем ждать так долго, и хотел встретить их в аэропорту, но Анна запретила. Она сказала, что это по личным причинам. Леон подозревал, что она просто не хотела никому сообщать их новый адрес – даже друзьям.

Насчет машины он беспокоился напрасно – Анна водила так же хорошо, как и раньше. Да такой автомобиль вести – сплошное удовольствие! «Ауди» бесшумно выскользнула с парковки и скоро влилась в общий поток машин.

Леон был уверен, что до города они сегодня не доберутся. Убежищем для Анны были безлюдные места, территория, известная ей одной. Раз так было раньше, должно было повториться, разве нет?

Но оказалось, что нет.

Очень скоро машина пересекла черту города и двинулась дальше – к оживленным улицам.

– Ты хочешь сказать, что в центре города нашла безопасное жилище? – удивился Леон.

– Вполне безопасное.

– Мы ведь не в Кремль едем?..

- Не настолько безопасное! Но близко.

До центра они так и не добрались, покружили у его пределов и остановились на парковке перед современным зданием явно нежилого вида. Зеркальная коробка в семь этажей – сложно сказать, новая или отреставрированная на основе такого же непримечательного здания. По одну сторону от нее располагался магазин, по другую – офисный центр. Само же здание, судя по обилию вывесок, вмещало в себя рой маленьких фирм самого разного профиля, от обувной мастерской до фитнес-клуба. До жилых домов отсюда было далеко, и Леон решил, что Анна снова замечает след, но – нет. Она уверенно направилась к главному входу в центральное здание. Леону только и оставалось, что следовать за ней.

Внутри тоже не было чудес – самый обычный коридор, украшенный разве что объявлениями, запах дешевого кофе, то и дело торопливо проходящие мимо люди. Но Анна словно и не замечала этого, по коридору она шла так, как когда-то ходила по двору перед своим домом.

Старый дребезжащий лифт привез их на третий этаж. Здесь было потише, однако не совсем безлюдно. Они миновали ряд одинаковых дверей и вошли в одну из них, с вывеской, которую Леон не успел прочитать. Но помещение оказалось таким, что и вывеска не нужна: они попали на склад.

Впрочем, склад был определенно не промышленный. На одинаковых металлических полках громоздились самые разные предметы: сундуки, искусственные цветы, мягкие игрушки, мотки ткани, наборы красок. Стены были закрыты вешалками с одеждой. Одну из таких вешалок Анна осторожно отодвинула, чтобы получить доступ к двери, покрашенной в один цвет со стеной. Тут уж Леон не выдержал.

- Знаешь, это уже за гранью!

- Что именно?

- То, что я собирался попасть домой, а в итоге оказался втянутым в фильм про Джеймса Бонда! Ты сама посмотри, что происходит: тайные машины, пароли, явки... Как это вообще понимать?

- Агент 007, отставить истерику, – усмехнулась она.

– Скажешь, что я не прав?

– Я бы сказала, но тогда мне придется саму себя опровергнуть.

За дверью скрывался небольшой тамбур, разделявший помещение склада и металлическую дверь, ведущую в квартиру. Это уже было полноценное жилье – две спальни, кабинет, гостиная и столовая, совмещенная с кухней. Окна большие, панорамные, но – зеркальные, и снаружи они наверняка не отличались от всех остальных окон. Леон даже не брался сказать, в какой именно части здания они находятся, слишком много было поворотов, а он еще и не знал, что за маршрутом нужно так тщательно следить.

Но если отбросить все эти детали с секретностью, место было, в общем-то, приятное. Жилье новое, оформленное в нейтральных тонах, с простой удобной мебелью – вероятнее всего, из «Икеи». Не похоже, что раньше здесь кто-то жил.

– Одна из твоих временных квартир? – догадался Леон.

О таких квартирах он знал уже давно, пусть и не слишком много. Ему казалось, что все они будут нормальными. Хотя и эту квартиру можно было назвать нормальной, подвох был скорее в том, где она располагалась.

– Именно, – кивнула Анна, небрежно бросив сумку на журнальный столик. – Пиццу сюда не заказать, но ничего, внизу есть кафе, там и пообедаем.

– Тебе не кажется, что следовало предупредить меня об этом раньше?

– А смысл? Показать проще и понятнее.

– Смысл в том, чтобы узнать мое мнение, – холодно указал Леон. – Мы говорили о том, что переедем в другой дом – и только. Почему я последним узнаю, что мы будем скрываться непонятно где? Да и потом, все это сильно смахивает на переходный этап, но непонятно, к чему. Так что это не «проще и понятнее».

Прозвучало резче, чем он намеревался, но извиняться Леон не стал. Он и так подыгрывал ей, сколько мог, однако всему есть предел. В такие моменты возникало ощущение, что Анна по-прежнему намеревается жить одна, а его

терпит, как временного гостя в своей жизни.

– Ладно, надо было сказать раньше, – виновато признала Анна. – Но поскольку ты и так был против возвращения в Москву, я опасалась, что полная версия правды только прибавит тебе сомнений.

– Мне уже не нравится это начало...

– Чего и следовало ожидать! История с Юпитером не завершена, я предпочитаю перестраховаться.

– Я тоже от всего этого не в восторге, но Юпитер «умер» несколько месяцев назад – и ничего не было.

– И непонятно, когда будет, – кивнула Анна. – Выжидание – тоже часть плана. Я только знаю, что удар он еще не нанес.

– Откуда?

– Потому что когда нанесет – это будет очевидно. И хотя нас с тобой это не касается, не бывает слишком много мер предосторожности, так? Поэтому я не думаю, что нам прямо сейчас нужно выбирать постоянный дом. Временное жилье подойдет больше. А потом, когда все закончится, выберем дом вместе. Я так и хотела с самого начала.

Она прекрасно знала, что бункер он не любил, но переезд никогда не обсуждала. Леон подозревал, что ему самому придется выкруливаться на эту тему – долго и трудно. Но оказалось, что он недооценил Анну. Она давно уже не рассматривала его как гостя.

Да, так будет честнее. Пока же придется сделать вид, что все это нормально, скрыть свой адрес от Ярика и, особенно, от старшего брата, ну а дальше. Еще какое-то время поиграть в Джеймса Бонда.

Зодиак

С квартирой некрасиво все-таки получилось. Анна теперь понимала, что нужно было по-другому. Не критичная ошибка, но из тех, которые следует учесть и больше не повторять.

Долго гадать, почему эта ошибка вообще была допущена, не пришлось. Анна привыкла жить одна, исключения были редкими и не слишком долгими. Да, нельзя сказать, что с Леоном они сошлись поспешно и внезапно. Но когда сошлись, она начала воспринимать его как часть своей жизни, такую же естественную, как дом или работа. Он не возражал, отсюда и возникла иллюзия, что он тоже готов к подобному образу жизни. Так что Анна не стала предупреждать его про переезд во временную квартиру заранее. Теперь она и сама удивлялась тому, что просмотрела такую оплошность. Но ведь назад не отмотаешь – а правильные выводы сделать можно.

К счастью, он быстро приспособился, и серьезной проблемой это не стало. Но о своем обещании Анна помнила: следующий дом, настоящий, на долгие годы, они будут выбирать вместе. Такая возможность казалась пугающе привлекательной, однако размышлять о ней сейчас не было времени, потому что нужно было включаться в расследование.

Анна знала, что Антон Чеховский просто так ее не позовет. Когда закончилось предыдущее расследование, он вообще бурчал, что век не хочет видеть ни маньяков, ни тех, кто на них охотится. Однако если бы преступники согласовывали свои намерения с полицией, жизнь стала бы слишком простой! Похоже, на этот раз Чихуше – Анне привычной было думать о следователе по его прозвищу, – не повезло. Но он и сам виноват: хотел бы отдыха – взял бы отпуск.

Или отказался бы от дела, что тоже допустимо. Если бы Чихуша заявил начальству, что не справится с новым сложным расследованием после того, как ему пришлось преследовать Матадора, ему бы позволили взять самоотвод. Кому-то другому – нет, а ему – да, он был слишком ценен.

Но он сам этого не захотел. Потому что он, при всем своем ворчании, все равно оставался хорошим полицейским. Он понимал, что расследование такого дела – не только возможность сделать шаг по карьерной лестнице, но и ответственность перед людьми, которых еще можно спасти от серийного

убийцы. Такую простую истину почему-то понимали не все следователи, и Анна была рада, что он остался.

Они договорились встретиться возле морга. Анна уже просмотрела отчеты судмедэкспертов и фотографии с места преступления, которые Чихуша выслал ей вместе с первым письмом. И все равно, раз была возможность взглянуть на тело лично, нужно было пользоваться.

Когда они свернули на парковку, Чихуша уже ждал их у входа. Невысокий, пухлый и несчастный, он напоминал голубя, которого только что окатили водой из придорожной лужи. Увидев Анну и Леона, он даже не попытался улыбнуться, он просто кивнул им. Впрочем, улыбки у стен морга никогда не были уместны.

Когда они миновали входную дверь, Анна пошла рядом со следователем, Леон – на шаг позади. Это не означало, что он не собирается участвовать в расследовании. Просто пока данных было совсем немного, он предпочитал слушать.

– Появились какие-нибудь новые сведения помимо того, что я уже знаю? – осведомилась Анна.

– Удалось связаться с матерью жертвы.

– И что там?

– Истерика, естественно. Насколько я знаю, она сейчас в больнице. Хорошо еще, что не одна была, когда это сказали. Ей сразу плохо стало, когда она узнала, что Дина мертва, детали ей даже не сообщали.

– Она хоть приедет?

– Она уже рвалась, но врачи не пускают. Сейчас она, вроде бы, договаривается с какими-то знакомыми, чтобы ее сопровождали, – пояснил Чеховский. – Тут надо понимать вот что: Дина была всей ее жизнью. Единственный ребенок, любимый, обласканный и долгожданный. Для нее большим стрессом стало уже то, что Дина переехала в другой город. Мать собиралась доработать до пенсии и последовать за ней. Но не сложилось.

– С отцом что?

– Нет отца, если мы говорим о социальной роли. Классическая история с «рожала для себя», отсюда и абсолютное обожание этого ребенка. У ее матери просто никого больше не было.

– Ты в этом уверен?

Анна пока еще не сомневалась в этой версии, оснований не было. Но помнила она и о том, что не всегда эти истории с родами «для себя» оказывались правдой. Двадцать три года назад время было не самое спокойное. Мать Дины могли изнасиловать – или отец отправился за решетку, и тогда от него открестились. В этом случае его вполне можно было рассматривать как подозреваемого.

Другой следователь, возможно, не понял бы этого или не счел важным, но Чеховский остался невозмутим.

– Я тоже думал об этом. Но, во-первых, там женщина сейчас не в том состоянии, чтобы врать, она не в себе. Во-вторых, я местных подрядил расспросить знакомых и друзей семьи, плюс проверка архивов. У Дины Курцевой фамилия матери, у матери – девичья. Ни в каких расследованиях по изнасилованиям Курцева-старшая не проходила. Ее подруги подтверждают: хотела родить для себя, нашла мужика покрасивее, толком с ним не общалась. Вот и все. Нет причин подозревать, что это сделал отец. Практических мотивов нет – он Дине никто, на освободившуюся квартиру в Москве претендовать не мог.

– Там не бытовое убийство, – напомнила Анна.

– Я знаю. Но и в этом случае отец никак не вяжется, нет в этом убийстве никакого указания на то, что он хотел подчеркнуть семейную связь. Нет, ты можешь подозревать его сколько угодно, но... со второй жертвой он точно не связан.

– А уже известна вторая жертва? – напомнил о себе Леон. – Там же только челюсть!

- Иногда этого более чем достаточно. Но давайте все-таки начнем с Курцевой.

Они вошли в холодный зал, освещенный яркими бледными лампами. В этом свете все казалось нереальным – столы, плохо затертые пятна на полу и тело, дожидющееся их. Дина Курцева казалась ненастоящей, словно она – не мертвый человек, а макет, созданный для фильма ужасов. Но Анна уже видела такое раньше, она научилась ничего не чувствовать рядом с покойниками. Если позволять каждому случаю касаться твоей души – нервов точно не хватит!

Судмедэксперта рядом не было, вскрытие уже завершили, жертву зашили. Но Анне и не нужно было видеть саму рану, она и так догадывалась о том, что там было. Она медленно обошла стол по кругу, разглядывая жертву, подмечая все, что еще не стерла смерть.

У Дины Курцевой была очень хорошая кожа – светлая, нежная, без единого красного пятнышка. На такой коже обычно быстро формируются синяки, да и поцарапать ее легко. Но сейчас никаких травм не было, кроме зловещего вздувшегося шва на животе. Это означало лишь одно: она не сопротивлялась. Он пришел, усыпил ее, и после этого она больше не проснулась. Плюс, убийца обращался с ней очень аккуратно. Синяки могли остаться и в том случае, если бы он небрежно стаскивал ее со стула и усаживал обратно. Но он этого избежал – возможно, намеренно, а может, такая щепетильность была частью его природы.

- Мужчина, молодой и достаточно привлекательный, – определила Анна.

- Про привлекательность-то ты как можешь судить? – удивился Чеховский.

- Начнем с того, что он силен. Дина была весьма крупной девушкой, чтобы сдвинуть ее, и сдвинуть аккуратно, нужна очень большая физическая сила. Такая сила неизбежно отражается на фигуре – думаю, он в отличной форме. Плюс ко всему, Дина сразу села с ним за стол. Он не вызывал у нее настороженности, она хотела ему понравиться. Компьютер и телефон проверили?

- Естественно. Ничего толкового там, увы, нет. Было несколько звонков на одноразовые номера, на этом – все.

– Любопытно, – заметил Леон. – Понятно, почему шифровался он. Но как он уломал на это ее?

– Легко и просто, – отозвалась Анна, не прекращая осмотр тела. – Сказал ей, что женат.

– Ты сейчас серьезно?

– Более чем. Это подтверждает мою теорию о том, что он был очень привлекателен – достаточно привлекателен для того, чтобы Дина сражалась за него и выполняла все его условия.

– А наличие жены ее не смущало?

– Фразу «жена – не стена» придумали как раз такие, как она. Большинству любовниц кажется, что официальная супруга обязательно уступает им, иначе ни один мужчина не решился бы на измену. Правда обычно не так радикальна.

– Ее мать говорила, что серьезных долгосрочных отношений у Дины никогда не было, – добавил Чеховский. – Думаю, не по ее воле. Так что если на нее обратил внимание мужчина, показавшийся ей очень привлекательным, она действительно приняла бы любые условия.

– Вот именно. Раз они шифровались, их отношения были на старте. Дина наверняка ожидала, что как только возлюбленный узнает ее получше, он обязательно бросит жену и будет весь ее. Но пока этого не случилось, она принимала звонки с одноразовых телефонов и встречалась с ним там, где их не могли увидеть вдвоем. Секс у нее был?

Здесь уже Чеховский помедлил, заглянул в отчет и только потом кивнул.

– Был, но не непосредственно перед смертью.

– Это и понятно. Я по фото могу сказать, что она тщательно подготовила квартиру к свиданию. Вероятнее всего, на ее территории они встречались впервые.

Анна сказала все, что хотела сказать своим спутникам, но понимала она намного больше. Она видела перед собой безжизненное тело, похожее на восковую фигуру, однако воображение уже рисовало другое место и другие обстоятельства.

Дина Курцева тщательно готовилась к этому визиту. Ей, неуверенной в себе, угрюмой, не слишком привлекательной, наверняка не верилось, что она привлекла внимание такого мужчины. Но ведь в сказках принц всегда предпочтет Золушку, правда? Вот и теперь он сумел разглядеть в ней скрытую жемчужину, он понял, что она гораздо привлекательнее пустых красоток!

На коже остались следы раздражения после эпиляции. Вероятнее всего, Дина сделала ее впервые. Для Анны это тоже было знаком: получается, неизвестный любовник намекал на грядущую близость, раз Дина успела подготовиться. Белье новое, это видно на фото. Платье она надевала раньше, но нечасто. Волосы покрасила не больше недели назад, укладку делала не сама, то есть, заплатила деньги и за это.

Можно было допустить, что любовник и убийца – не одно лицо, что убийца опередил любовника, но это так, из области фантастики. Дина впустила его и не сопротивлялась. Он хорошо ее обработал перед этим: так он получил куда лучшие условия, чем при спонтанном нападении.

Анна не сомневалась, что Чеховский продолжит опрос знакомых Дины, стараясь выявить ее загадочного возлюбленного. Пускай – вдруг повезет! Но это будет очень большая удача, потому что убийца умен, он подготовился ко всему, что мог учесть.

Наконец она почувствовала, что увидела достаточно, и отстранилась. Ей не нужно было задавать дополнительные вопросы Чихуше, она и так видела челюсть, лежащую в пластиковом поддоне на столе.

Челюсть маленькая – сразу понятно, что женская или детская. Но зубы указывают, что все-таки женская. Причем зубы эти в хорошем состоянии, с дорогими пломбами – женщина не была бедной. Сейчас от челюсти осталась лишь голая кость, но мельчайшие следы мышц еще можно разглядеть. Это подтверждает вывод эксперта: очистка была проведена неграмотно, хотя и довольно эффективно.

Похоже, Чеховскому было особенно неуютно здесь, и он не смог долго выдерживать молчание.

- Ты про метод убийства не спросила, - сказал он.

- Я и так вижу.

- Может, не то видишь! Короче, он ее усыпил, но убил не сразу. Положил, вскрыл, засунул челюсть и зашил. Умерла от кровопотери, потому что он там все разворотил, но не похоже, что он специально выбирал место... Засунул, куда получилось.

- Именно это я и вижу.

Убийца был аккуратен в обращении с жертвой - неуместная, но очевидная галантность. А вот способ убийства занимал его куда меньше, и это тоже было любопытно. Как будто все сводилось именно к Дине... а должно было - к акту убийства. Анна пока не могла точно сказать, как толковать это противоречие, и решила вернуться к нему позже.

- Так что известно о второй жертве?

- Марианна Доброхотова, двадцать лет, убита в январе этого года. Там тоже мутная история была.

В этом Анна как раз не сомневалась - сложно назвать не «мутной» историю, в которой у жертвы пропадает нижняя челюсть! Но, видимо, тогда не нашлось следователя, способного разобраться, насколько серьезно на самом деле это преступление.

Оказалось, что в начале января Марианна с подругами отправилась в арендованный за городом коттедж - праздновать Новый год. Компания была исключительно женская, мужей не приглашал никто. Как потом рассказывали подруги, кто-то решил пошутить и вызвать стриптизеров. Марианне, которая недавно вышла замуж, это не понравилось. Несмотря на все уговоры подруг, она решила ехать домой - благо не пила и была на своем автомобиле.

Но домой она так и не доехала. По какой-то причине она остановила машину на узкой проселочной дороге. Там на нее напали – и убили. Женщину до смерти забили бейсбольной битой, травмы были такими тяжелыми, что, как бы парадоксально это ни звучало, исчезновению нижней челюсти не придали большого значения.

– Я своих коллег не оправдываю, я бы на их месте был внимательней, – уточнил Чеховский.

– Но я, в общем-то, могу понять, почему они решили, что это не слишком важно.

Тело погибшей в результате побоев было сильно искалечено. Следователи решили, что челюсть отшибли случайно – и что до нее добрались бродячие собаки, которых в этих местах было немало. У Марианны украли деньги, украшения, все ценное, что нашлось в автомобиле. Изнасилования не было, убийство произошло сразу, так что мотив сочли очевидным.

И только когда нижняя челюсть Марианны Доброхотовой обнаружилась в животе Дины Курцевой, стало ясно, что все это – фрагменты одной мозаики.

Анна натянула перчатки и осторожно взяла в руки челюсть. Такая легкая, как будто ненастоящая. Знак страдания, которое сложно себе представить.

– Ее не отбили, а вырвали осознанно, стараясь повредить как можно меньше, – сказала она.

– Вот и эксперт так считает, – подтвердил Чеховский. – Но тогда, когда нашли тело Доброхотовой, все выглядело иначе.

– И, думаю, не случайно. Он сначала изъяс челюсть, а потом уже изуродовал тело, чтобы все выглядело так, как ему нужно. Контраст кто-нибудь кроме меня улавливает?

– А что тут улавливать? – отозвался Леон. – Все же на виду! Первое преступление он старательно маскировал под ограбление. Ему нужно было пустить полицию по неверному следу и, в некотором смысле, он это сделал. А вот при втором преступлении он хотел, чтобы акцент сместился на убийство – причем двух

жертв сразу.

- По делу Доброхотовой были подозреваемые? - поинтересовалась Анна.

- Был только один - муж.

- Серьезно? - изумился Леон. - Избиение и ограбление на загородной дороге - муж?

- Потому что это всегда муж, - ответил Чеховский. - При смерти одного из супругов второй становится главным подозреваемым - учти это, если вы, два паука, все-таки не разбежитесь. Так что мужа должны были проверить, у него алиби. Других подозреваемых рассматривали, но всюду голяк.

Убийца связал одну жертву с другой - и уже подготовился к третьей, теперь очевидно, из-за чего пропало ухо Дины Курцевой. При этом серьезных улик не было ни на одном из мест преступления. Первое убийство - в январе, второе - в марте. Это очень быстрый темп, мало кто из известных серийных убийц такой выдержит.

Все это уже было очень плохо и указывало на хитрого, умного и безжалостного серийного убийцу. Но ведь еще не все прозвучало!

О том, что Чеховский поделился не всеми новостями, Анна догадалась не сразу. С чего бы ей вообще гадать? Он сам ее вызвал, значит, не будет скрывать данные. Однако чем больше она наблюдала за ним, тем четче понимала: недомолвки все же есть. И причина могла быть только одна - он не намеренно скрывает, он просто не решается сказать, не может подобрать нужных слов, а может, еще не определил для себя, насколько это важно.

В любом случае, с этим нужно было заканчивать.

- Чихуша, что еще мне нужно знать?

- Не называй меня так, - вяло огрызнулся он, но так и не решился встретиться с ней взглядом.

- И тем не менее, мой вопрос в силе.

- Это обнаружилось недавно... Вчера вечером, если быть точнее, раньше я не знал.

- А можно сразу к делу, без загадочной аннотации?

- Есть письмо, - вздохнул Чеховский. - Пришло в редакцию газеты «Утренний вестник» за два дня до убийства Дины Курцевой. На первый взгляд - полный бред, в газеты такого пачки приходят, особенно весной. Но тут на бумаге сотрудники газеты усмотрели пятна крови и на всякий случай передали письмо в полицию.

- Ну а вы от него благополучно отмахнулись, - отметила Анна.

Догадаться об этом было несложно. Письмо пришло за пару дней до убийства в отделение полиции, не связанное с ним. Кто понял бы, что оно важно? Кровь сама по себе - не такой уж шокирующий фактор. Весной и правда случается обострение, при котором автору письма не так уж сложно пустить на бумагу кровавую соплю.

Заслуга полиции заключалась скорее в том, что письмо не выбросили. Когда стало известно об убийстве Дины Курцевой, предсказуемо скандальном, кто-то вспомнил о письме и передал его следователю. Теперь Чеховский сбросил фотографию письма, с которым сейчас работали эксперты, на мобильный Анны.

Прямым предупреждением письмо не было, и оно не спасло бы жизнь Дине Курцевой, даже если бы к нему с самого начала отнеслись со всей серьезностью. Да и теперь не было гарантий, что эти события связаны. Но определенного внимания письмо точно заслуживало: на заляпанной кровавыми пятнами бумаге были неровно выведены крупные печатные буквы.

«СПАСИТЕ ЕСЛИ МОЖЕТЕ ЖЫРНУЮ КАРОВУ ВЫ НЕ УСПЕЕТЕ ВСЕ РАВНО НЕ УСПЕЕТЕ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ КАК ТА ДРУГАЯ И БЕЗРАЗНИЦЫ КАКАЯ ПОТОМУ ЧТО ДРУГАЯ КРАСАВИЦА НО ВСЕ ОБРАЩАЮЦА В ГРЯЗЬ И БУДЕТ БОЛЬШЕ ЕДИНСТВО ГРЯЗИ ЕСЛИ МЕНЯ НЕ ОСТАНОВЯТ ТАК ОСТАНОВИ МЕНЯ».

– Это все? – удивился Леон, прочитавший письмо через плечо Анны. – То есть, он не выдает инструкции газете и просто присылает это сообщение?

– Это и есть инструкция, – уточнила Анна. – Но вообще, да, сработал он плохо. Так, на вскидку, предположу, что он подражает Зодиаку, не понимая его.

Обычно, когда она упоминала кого-то из маньяков прошлого, ее тут же засыпали вопросами, требуя объяснить, о ком идет речь. Но не в этом случае, да и понятно, почему. Массовая культура полюбила Зодиака. О маньяке, который так и остался непойманным, снимали фильмы и писали книги. Его легенда стала куда сложнее и ярче, чем человек, стоявший за ней.

Запомнился Зодиак в первую очередь письмами, которые присылал в полицию. Но если он пользовался шифром, то этот убийца, если он все же был причастен к письму, себя таким не утруждал.

Несложно было догадаться, почему письмо соотнесли со смертью Дины Курцевой. Указание на ее лишний вес было хамски прямым – это раз. Рядом упоминалась вторая жертва, якобы красавица, – это два. Действительно, многовато для совпадения, но маловато для стопроцентной уверенности.

– Проверьте кровь, – посоветовала Анна. – Если это окажется кровь первой жертвы, все ясно. А если ему так важен символизм, именно она это и окажется.

– Кто бы это ни был, он знал об убийстве, – напомнил Леон. – Ведь письмо пришло до смерти Дины.

– Так ведь убийца готовился к этому, встречаясь с ней, тут как раз все сходится.

– Вопрос в том, зачем ему это, – нахмурился Чеховский. – Вряд ли он действительно хотел, чтобы его остановили!

– Пока у нас слишком мало данных, чтобы сказать наверняка, – признала Анна. – Как вариант, можно рассматривать то, что он не просто подражает Зодиаку, а восхищается им. Учитывая известность Зодиака и то, что он так и не был пойман, это очень вероятно.

– Или ему просто нравится фишка с письмами, – усмехнулся Леон.

– Письма – это как раз не фишка Зодиака. Его фишка – шифр. А письма писали очень многие маньяки, пойманные и нет. Например, был случай, когда маньяк писал полиции письма о своих жертвах. Потом убийства на несколько лет прекратились, и полиция решила, что он пойман за другое преступление или погиб. А потом убийства начались. Какой логичный вывод?

– Что это снова он, жди письма, – мрачно ответил Чеховский. – Я бы так решил.

– Вот и коллеги твои так решили. Письмо действительно пришло, но всего с одной строкой: «Это не я». Обоих маньяков, кстати, не поймали. Так что письма – тема сложная. Но если этот тип действительно решил заигрывать с полицией, долго ждать не придется. Начав, они обычно ускоряются, а не замедляются, и в ближайшее время он снова заявит о себе.

* * *

Ярослав был рад тому, что эти двое вернулись, но не хотел показывать свою радость слишком бурно – чтобы Леону не показалось, будто он пожалел о своем решении. Особенно при том, что он пожалел.

Нет, решение было правильное, как ни крути. Анна нуждалась в реабилитации, ей грозила опасность. Ей нужно было уехать, а о том, чтобы разлучиться с Леоном, и речи не шло. Поэтому тогда Ярослав активно поддержал друга, уверяя, что будет со всем справляться сам – столько, сколько нужно.

Он и справился, но не обошлось без определенных неприятных... нюансов.

Работа казалась простой и даже интересной, пока Леон ему помогал. Когда Ярославу пришлось одному заниматься и документами, и переговорами, и подготовкой проектов, он почти возненавидел тот день, когда вообще предложил создать эту фирму. Забавно: при Леоне он успевал работать и заниматься расследованиями, а теперь чувствовал себя волком из старой компьютерной игры, который никак не может поймать все падающие сверху яйца. Волк крутится – и яйца, заразы эти, ускоряются до тех пор, пока не начнешь их ронять!

Теоретически ему в помощь был назначен Ренат Шауров, но с этим как раз было больше возни, чем пользы. Мальчишка был не без талантов – но с таким взрывным характером, что хоть ты его в металлической бочке храни и на свет не выпускай! Он умудрялся накосячить там, где косячить в принципе невозможно. Единственным плюсом было то, что критику он принимал спокойно, не огрызался и признанный авторитет уважал. Хотя плюс ли это? Если бы он начал хамить, его можно было бы уволить со спокойной совестью. А так – оставалось только сжать зубы и надеяться, что дальше будет лучше.

Ну и конечно, была Мира Сардарян. Подвох, которого он не ожидал, главная причина, по которой Ярослав пожалел об отъезде Анны и Леона.

Мира была лечащим врачом Анны, так и познакомились. По идее, они не должны были нравиться друг другу: Мира совершенно не походила на тех девушек, которым он обычно отдавал предпочтение. Старше Ярослава, слишком серьезная, не улыбочивая и вечно занятая. Казалось бы: ну что у них может быть общего, что их может объединить?

Но выяснилось, что каких-то строгих причин просто нет. По крайней мере, тех, которые можно облечь в слова. Иногда влечение бывает неразумным, неосознанным, но при этом очень серьезным. Примерно так все и сложилось для Ярослава (а возможно, и для Миры, если Анна истолковала ее поведение верно). Его сразу потянуло к ней, он хотел узнать о ней как можно больше, показать себя перед ней с лучшей стороны, чтобы. Он и сам сначала не мог толком объяснить, чего ждет от нее. Ярослав предпочитал идти вперед маленькими шагами, каждой новой встречей добиваясь ее признания.

Все шло хорошо, пока рядом была Анна, за которой требовалось ухаживать. Ярослав сидел с ней, когда Леону нужно было уехать. Мира к ней приходила. Из-за этого они обменялись телефонами. Но потом Анна выздоровела, уехала – и темы для разговоров внезапно не стало. Другую женщину Ярослав просто пригласил бы на свидание, и дело с концом. Но инстинкты подсказывали: с Мирой так просто не получится, нужен повод.

А поводов не было – или все они казались жалкими. Ярослав пару раз звонил, спрашивал, не нужна ли помощь, интересовался какими-то вопросами, связанными с больницей. Но Мира неизменно отвечала ему сухо и холодно. Мира, которая раньше улыбалась ему! Потому что раньше он был нужным, она

видела, что он важен. Он должен был снова показать ей это.

Вот почему возвращение Леона и Анны он воспринял с большим энтузиазмом, чем следовало бы. Он уже знал, что они связаны с каким-то расследованием, которое ведет Антон Чеховский, но это как раз не интересовало Ярослава, потому что вряд ли могло впечатлить Миру. Нет, думал он сейчас о другом – и при первой же встрече вывел Леона на нужный разговор.

– Так что там Юпитер? Не было от него вестей?

С этим человеком у Ярослава были личные счеты. Может, ему и не стоило изначально лезть в эту историю... Но потом уже стало слишком поздно. Чтобы запугать Леона, Юпитер похитил его, вывез за город, покалечил. Напоминанием об этом навсегда остался шрам на руке. Хотя кому нужны напоминания? Такое не забудешь!

Это не значит, что Ярослав готов был бросить все ради мести. Но он видел, что Мира тоже побаивается Юпитера. Разве это не повод проявить себя?

– Ярик, ты издеваешься? – укоризненно посмотрел на него Леон. – Как ты себе представляешь такие вести? Открытка с видом на Багамы? Или послание из потустороннего мира?

– Ну, мало ли. Ты думаешь, что он умер?

– Вот уж нет. Он и смерти даром не упал.

Чувствовалось, что Леону не хочется и дальше развивать тему, но Ярослав не отставал. Дело было уже не только в Мире. Он вспомнил темный лес и обжигающую, сводящую с ума боль в руке. Это произошло, потому что он был не готов. Может и повториться! Никому нельзя расслабляться, пока Юпитер не будет точно мертв и зарыт метра на три под землю, а еще лучше – кремирован в жерле вулкана.

– А Аня что считает?

– Что есть в мире вещи поважнее Юпитера.

– Да перестань! Неужели она поверила, что вы больше ни в чем не участвуете, и не следит за ситуацией?

Нет, конечно же нет. Ярославу хватило одного взгляда на собеседника, чтобы понять это. Леон знал гораздо больше, чем говорил, а узнать он мог только от Анны. Нужно было давить дальше:

– Она что думает? Что он типа умер – и всё, все в это поверят?

– Зачем тебе?

– Я тоже в этом участвую! Может, мне неспокойно!

Леон вряд ли на это купился, но все же ответил:

– Аня считает, что он инсценировал самоубийство по двум причинам: обесценить компромат и выявить в своих рядах крысу.

– И кто это?

– Мне откуда знать? И нет, Аня тоже не знает!

– Но вам это нужнее, чем Юпитеру! – указал Ярослав. – Стреляли ведь в нее, а не в Юпитера!

– Аня считает, что этим пытались воздействовать на него. Раз не получилось, нет смысла во второй попытке.

– Но она не может быть уверена на все сто! Если есть даже вероятность в один процент, что за ней придут, нельзя успокаиваться! Кого она подозревает?

– Слушай, ты гиперактивность лечить не пробовал?

– Так кого?

На этот раз Леон молчал долго. Судя по всему, Анна просила его молчать, и теперь он взвешивал все «за» и «против» такой беседы. Ярослав хотелось еще раз подтолкнуть его к правильному выбору, однако он сдержался. Выжидание – это порой тоже хорошо. Доказывает серьезность намерений.

– У нее есть свои подозреваемые, – неохотно сообщил Леон. – Но она не любит о них говорить. Опасается, должно быть, что я сделаю глупость, которую сейчас планируешь ты.

– Это не глупость! Это удар на опережение! Ты знаешь, что это за подозреваемые?

– Нет, имен не знаю. Знаю только, что их четверо и они из ближайшего окружения Юпитера. Аня следит за ними.

– Одновременно помогая с расследованием? Да, конечно!

– Ярик, чего ты хочешь?

– Помочь! И я помогу.

– Не нравятся мне твои мысли про «удар на опережение», – заметил Леон. – Это не игра! Дистанцироваться от всего, что связано с Юпитером, – самое разумное решение.

– Ага, до тех пор, пока он не придет к тебе! И вообще, не цепляйся к моим метафорам. Я не говорю, что мы должны с его друзьями войну начинать! Но более детальная слежка за ними не помешала бы. Я мог бы заняться этим, если ты занят с полицией...

– Ярик, нафига?

– Любознательность и инстинкт самосохранения!

То, что подозреваемых четверо, – уже кое-что. Ярослав успел осторожно изучить круг общения якобы покойного бизнесмена Вадима Смоленского. Он толком не знал, что искать, он просто присматривался. Однако если сразу учесть, что

нужно выявить всего четырех.

Возможно, Леон тоже давно размышлял об этом. Да и как он мог не размышлять после того, что случилось с женщиной, которую он любит? Анна это предвидела, она наверняка заставила его отказаться от каких-либо действий. А вот Ярослав обещаний не давал! Это можно было использовать.

– Если я скажу тебе, ты будешь осторожен? – хмуро осведомился Леон.

– Буду смотреть и руками не трогать, – ухмыльнулся Ярослав.

– Уж надеюсь на это! Имен я не знаю, но Аня сказала, что в Даркнете они известны, если я правильно запомнил, под никами Фенрир, Граф Орлов, Кардинал и Бухгалтер.

– Ничего себе у них разбежка! Тебе это вообще о чем-нибудь говорит?

– Менее ценная информация, чем состав геля для душа.

– Тогда зачем она вообще сказала тебе? – поразился Ярослав.

– Чтобы показать, что у нее действительно все под контролем. Она-то знает, о ком идет речь! Я – нет, ты – тоже нет. Что будешь делать? Искать их в Даркнете нельзя.

Это Ярослав и сам знал. Он неплохо разбирался в компьютерах, но до уровня настоящего хакера ему было далеко. А Юпитер считался не просто хакером, он был лучшим из лучших. Значит, и приближенные ему под стать, Даркнет – их стихия. Если бы Ярослав попытался разыскивать их там, он бы уже вряд ли отделался пробитой насквозь рукой.

Но он и не ожидал, что это будет просто.

– Я разберусь, можешь не беспокоиться. А тебе не мешало бы вникнуть в дела компании за эту зиму!

Леон бросил тоскливый взгляд на папки, собранные на его рабочем столе, потом снова повернулся к Ярославу.

– Ярик, я ведь не пожалею о том, что сказал тебе это?

– Да ты радоваться будешь и шампанское открывать!

– В честь чего?

– Во славу высших сил, которые ниспослали тебе меня!

Ярослав пока не был уверен, что все действительно сложится так радужно и от его личного расследования будет толк. Но пока ему было достаточно одного: у него наконец-то появился повод увидеть Миру.

* * *

Бывают плохие дни, а бывают отвратительные. У отвратительных только одно преимущество – рядом с ними плохие становятся не так уж плохи. Когда переживаешь одни и другие, разницу чувствуешь особенно остро. Вот и Оля с самого утра поняла, что день будет на редкость мерзотным.

Начать хотя бы с того, что Володя опять не ночевал дома. Явился только в пять утра, мрачный, молчаливый. Переоделся, влил в себя чашку кофе и ушел, так и не сказав ей ни слова. А ведь она обращалась к нему, спрашивала! Но оказалось, что игнорировать ее ему очень легко. Оля дурой не была, она прекрасно понимала, что эти отношения уже скорее мертвы, чем живы. Но признать такое порой слишком сложно, даже если все очевидно.

Она тоже не спала ночью, однако у нее причины были не такие приятные, как у Володи. Мешали мысли о нем, мешали соседи сверху. С этими теперь придется смириться, они никого не слушают, а на то, чтобы вызвать полицию, у нее в жизни решительности не хватит – Оля всегда до дрожи боялась любых конфликтов.

Да еще и денег нет... Вообще, если послушать разговоры знакомых, денег нет никогда и ни у кого. Но сейчас Оля ощущала это особенно остро:

в прохуdivшиеся сапоги уже просочилась вода. Ей бы обходить лужи, но ливень не утихал, и луж было больше, чем не скрытого под водой асфальта.

Так что идти на работу ей совершенно не хотелось – денег это все равно не принесет, ничего интересного тоже не произойдет. Это раньше, когда она еще была наивной студенткой, ей казалось, что должность в газете, настоящей бумажной газете, а не каком-то там интернет-портале, – это нереально круто. Она будет проводить расследования, станет влиятельной колумнисткой, у нее появятся свои поклонники.

Но ничего такого не произошло, и теперь она знала, что не произойдет. «Утренний вестник» был не той влиятельной газетой, журналисты которой ногой открывают любые двери. Большую часть времени они собирали новости в интернете, переписывали чужие статьи и пытались найти что-то интересное в письмах читателей.

Именно это и предстояло теперь Оле. Просмотреть пачку жутко безграмотных писем, найти там советы по посадке огурцов на даче и более-менее интересные рецепты. Потом согласовать все это с редактором, и – все. Вот максимум ее информационного вклада в жизнь общества.

Все это она могла сделать за час-полтора, как показывал опыт. Не было никакого смысла являться в редакцию первой, можно было даже опоздать. Но история с Володей расстроила ее, она просто не могла сидеть дома. Так что в редакцию Оля пришла за сорок минут до начала рабочего дня, в кои-то веки опередив даже секретаршу.

У этого были как преимущества, так и недостатки. Преимуществом стала успокаивающая тишина абсолютно пустого офиса. Недостатком – то, что ей самой предстояло копаться в грандиозной горе писем. Обычно секретарь упрощала ей задачу, отделяя творчество читателей от документов и рекламной рассылки.

Теперь же Оле нужно было рыться в корреспонденции, которую сваливали в одну грандиозную гору почтальоны и курьеры всех мастей. Оле это всегда казалось примером вопиющего бардака, но она была не в том положении, чтобы делать кому-то замечания.

Она задумчиво перебирала конверты, раскладывая их на три стопки, пока не нашла кое-что необычное. Это тоже был конверт, но странный, не из тех, что обычно присылают в «Утренний вестник». Начать хотя бы с того, что он оказался непривычно большим – формата А4, причем не из бумаги, а из пупырчатой пленки, призванной оберегать то, что находилось внутри. Оля видела, что конверт слишком пухлый для простого письма, туда вложили что-то еще, но она никак не могла нащупать, что именно.

Адрес редакции на конверте был напечатан на наклейке – любопытный ход, нечасто такое увидишь. Обратный адрес тоже пытались напечатать, но что-то пошло не так – сбой в принтере, пожалуй, потому что получился непроницаемо черный прямоугольник. Зачем было его клеить? Насколько невнимательным сотрудником нужно быть, чтобы такое просмотреть? Оля снисходительно улыбнулась, качая головой.

На конверте стояла пометка «Срочно редактору, лично в руки». Это, конечно же, был бред. Куда эти люди, по их мнению, пишут, в «Нью-Йорк Таймз»? Насмотрелись американских фильмов! В «Утреннем вестнике» редактор письмами в жизни не занимался, эта задача доставалась секретарю и таким вот мелким сошкам, как Оля. Редактор если вообще в офисе появится – уже подвиг! Поэтому она без малейших зазрений совести вскрыла конверт.

Сначала Оля достала из него письмо – один лист, зачем-то запаянный в пленку. Хотя понятно, зачем! Пленка была покрыта грязными буро-красными пятнами, как будто вареньем заляпали. Если бы не она, текст на бумаге стал бы неразличимым. Но не проще ли не пачкать письмо, чем вот так защищать?

Текст Оля пока не читала, ее больше занимал предмет, посланный вместе с письмом. Он оказался маленьким, чтобы увидеть его, пришлось перевернуть конверт. Вот тогда загадочная посылка выпала – и Оля в немом шоке уставилась на отрезанное человеческое ухо, покрытое пятнами засохшей крови.

Человеческое ухо.

Настоящее.

Некоторое время Оля только и могла, что смотреть на него. Она надеялась, что иллюзия развеется – или что войдет кто-то и объявит о розыгрыше. В их газету

присылают советы по домоводству, а не куски человеческих тел!

Но потом ее носа коснулся специфический сладковатый запах – запах тлена и разложения. Лучшее доказательство того, что все по-настоящему. Оле оставалось сделать лишь то, что, как ей казалось, на ее месте сделала бы любая психически здоровая женщина.

Оля упала в обморок.

Глава 3

Бетти Лу Дженсен

Воздух был наполнен запахом ранней весны. В тонком горьковатом аромате переплетались запахи мокрой древесной коры, пожухлой листвы, оставшейся с осени, и земли, готовой подарить жизнь первым зеленым росткам. Предельно простой запах – но пробуждающий воспоминания, настолько яркие, что Анна даже позволила себе сделать небольшую паузу. Не думать о расследовании, а просто стоять и смотреть на лес, пока еще мрачный, но уже готовый укутаться в нежную свежую зелень. Она давно подметила, что после ранения ей особенно нравятся такие моменты: когда можно жить здесь и сейчас.

Но хорошего понемножку. Она отпустила мысли о весне и взглянула на лес другими глазами – как на место преступления.

Место, надо сказать, было выбрано весьма удачно и вряд ли случайно. Дорога здесь становилась узкой, с плохим асфальтом, да еще и изгибалась в повороте так, что одну ее часть было не видно за деревьями. Здесь любой мало-мальски адекватный водитель не стал бы разгоняться. Следовательно, человек, вдруг шагнувший на дорогу, не рисковал быть сбитым, куда выше были шансы, что машина перед ним остановится.

Это было место смерти Марианны Доброхотовой. Прежде чем приехать сюда, Анна изучила все отчеты и фотографии, теперь она представляла, где что произошло. Чеховский считал, что соваться сюда вообще нет смысла – ведь

сколько месяцев прошло после преступления! А вот Леон поддержал ее, ему тоже хотелось взглянуть на лесную дорогу. Сейчас он стоял у машины, припаркованной у обочины, и наблюдал за Анной.

Все случилось поздним вечером, было темно – фонарей нет на всей территории леса. Снега не было, пейзаж вообще мало отличался от нынешнего, такая уж выдалась зима. Значит, Марианна ехала только при свете фар, быстрее, чем ехала бы по льду, но не слишком быстро. Позже по следам шин эксперты установили, что тормозила она резко и нервно, однако машина была в отличном состоянии и остановилась быстро.

– Стань сюда, пожалуйста, – попросила Анна, указывая на центр дороги. – И возьми в руки палку.

– Что? Это еще зачем?

– Слушай, обезьяна взяла – и ты справишься!

– Очень смешно, – вздохнул Леон, но палку с земли все-таки поднял.

Он остановился там, куда указывала Анна, а сама она направилась к машине. Автомобиль Марианны стоял ближе к разделительной полосе, однако это не принципиальная погрешность. Сцену преступления они воссоздали более-менее четко.

– Думаю, он здесь и стоял, когда она вывернула, – сказала Анна. – Стоял так, что не объедешь, и она ударила по тормозам.

– Почему ты считаешь, что он не голосовал?

– Да ладно, кто голосует на повороте, там, где машина тебя фиг заметит? А даже если так, Марианна бы не остановилась.

– Не веришь в добрых самаритян? – усмехнулся Леон.

– Добрые самаритяне, увы, часто становятся мертвыми самаритянами. Но Марианну подвело не это, она остановилась не добровольно. Мы говорим о

женщине, которая рассорилась с подружками и сбежала с вечеринки в ночь просто потому, что в доме появился стриптизер. Она бы не захотела остаться наедине с незнакомцем ночью, в лесу!

- Тогда она не должна была и останавливаться...

- А какой выбор? Тут обочина такая, что не объедешь.

- По нему ехать! Все лучше, чем самой умирать.

- Собственную смерть мало кто рассматривает как возможный вариант, - указала Анна. - Прием психологической защиты. Что же до «по нему ехать», то такое очень легко говорить со стороны. В реальности же мало кто сможет намеренно сбить человека. Полагаю, она остановилась перед ним, посигналила, чтобы он ушел, а он каким-то образом выманил ее из машины.

Автомобиль Марианна покинула добровольно. Но вот зачем? Вероятнее всего, преступник притворился раненым, возможно, он вообще лежал посреди дороги... Хотя это было бы рискованно, она могла и не заметить его в темноте! В любом случае, он нашел подходящий способ, и из машины она вышла.

Анна направилась к Леону, но остановилась в паре шагов от него.

- На дороге крови не нашли, - задумчиво произнесла она. - Значит, напал он не здесь. Но здесь она увидела битую, испугалась и бросилась не к машине, а вон на ту обочину.

Марианна наверняка поняла, что не успеет достаточно быстро сесть в автомобиль, завести его и уехать. Убежать она тоже не успела бы, но в это никто никогда не верит.

- Она стартовала примерно отсюда, он - за ней. Ну-ка, попытайся меня догнать!

- Аня, на кой?

- Давай попробуем!

Он терпеть не мог изображать из себя преступника, Анна прекрасно об этом знала. Такая нелюбовь казалась ей забавной, но не настолько, чтобы потешаться над ним. Обычно она старалась учитывать мнение Леона и лишней раз не примерять на него эту роль. Но сейчас ей нужно было знать.

Так что она сорвалась с места, устремилась к лесу, а Леон бросился ей наперехват. Он догнал ее быстро и без особого труда. Преступник на его месте уже ударил бы.

- Видишь? - победоносно поинтересовалась Анна.

- Вижу. Примерно то место, где убили Марианну.

- Вот-вот. А если учитывать, что я с ней примерно одного роста, преступник был не меньше тебя.

Больше те двое не перемещались: Марианна умерла на обочине, в десяти шагах от своего автомобиля. Тогда это назвали убийством во время ограбления, хотя и это Анна считала оплошностью полиции. Ради простого ограбления никто не устраивает такую расправу! Миниатюрной женщине вроде Марианны Доброхотовой хватило бы одного-двух ударов, чтобы навсегда перестать быть проблемой для преступника. А он сделал нечто худшее.

Он не торопился и не опасался, что ему помешают. Значит, нападение было не спонтанным, он изучил эту дорогу и знал, что шансы на появление другой машины январской ночью ничтожно малы.

Леон отбросил палку в сторону и отряхнул руки от оставленной ею трухи. Ему казалось, что это движение ничего не значит - а значило оно очень много.

- А вот он так сделать не мог, - отметила Анна. - То есть, мог, но не сделал.

- Руки очистить?..

- Избавиться от орудия убийства. Бейсбольная бита - штука немаленькая. Полиция тут чуть ли не весь лес перерыла, благо того леса немного, собак привозили - и ничего. Он увез битку с собой.

- Ну и что? Не первый случай, когда орудие не остается на месте убийства.

- Это да, но есть разница между тем, чтобы спрятать нож и бейсбольную биту, покрытую кровью. Следов другой машины не нашли, из леса он вышел пешком. Ему нужно было тащить биту с собой - туда и обратно. Это привлекает внимание, и чем дольше бита с ним - тем больше шансы попасться.

- Он умеет продумывать детали, - пожал плечами Леон.

- Да, но он же избегает лишних действий, у него все очень четко. Так зачем вообще бита? Смотри: когда тебе понадобилась палка, ты взял палку. Мог бы взять камень. Марианне много не надо, человеку с такой силой, как у убийцы, - тоже. В использовании громоздкого примечательного орудия не было смысла. И что это значит?

- Не знаю. Что?

Судя по тону, Леон верил, что вопрос с подвохом. Не вопрос даже, а подводка к раскрытию чего-то важного! Но тут Анна вынуждена была разочаровать его:

- И я не знаю, над этим тоже нужно думать.

Такие фрагменты головоломки раздражали: очевидно сложные и важные, они были связаны с чем-то, до чего она не могла докопаться, данных просто не хватало. Но ведь не следовало ожидать, что преступник будет подыгрывать...

Ветер становился сильнее, с неба упали первые колючие капли дождя. Очарование ранней весны испарилось, уступив место худшей стороне сезона. Анна поежилась и направилась к машине, Леон последовал за ней. Она позволила ему сесть за руль, зная, что ему будет приятно. О том, куда ехать, Леон не спрашивал, они все обсудили заранее.

Марианна умерла по пути домой. К ее дому эта дорога и вела.

- Так что думаешь? - поинтересовался Леон, выводя машину с узкой лесной дороги на трассу. - Подражает он Зодиаку или нет?

- Подражать - не подражает, но есть шанс, что вдохновляется им. В убийстве Марианны Доброхотовой есть кое-что общее с первыми каноническими жертвами Зодиака.

- Каноническими?..

- Я тебе рассказывала еще когда мы говорили о Джеке-Потрошителе, помнишь? У некоторых серийных маньяков есть канонические и предполагаемые жертвы. Отличие первых от вторых в том, что одни доказаны и во всех источниках приписаны одному убийце, другие - нет.

Первыми признанными жертвами Зодиака стали Дэвид Фарадей и Бетти Лу Дженсен. Подростки, семнадцать и шестнадцать лет, жизнь только начинается! Первая любовь, романтика и все дела. Никто не удивился тому, что парочке захотелось провести день вдвоем. Их родители, в лучших традициях еще скромного шестьдесят восьмого года, были убеждены, что молодые люди отправились на рождественский концерт. Почему нет? И Дэвид, и Бетти Лу проблемными не считались, оба хорошо учились, их словам можно было верить.

Однако подростки есть подростки: ни на какой концерт они не поехали. Помотавшись по знакомым, они к вечеру оказались возле отдаленной загородной дороги, там свернули на обочину, под защиту старых деревьев. Не они первые, не они последние, это место давно уже слыло «уголком влюбленных». Но если другим парам оно дарило приятные воспоминания, то Дэвиду и Бетти Лу преподнесло куда более мрачный дар: бессмертие в качестве первых жертв Зодиака.

Убить их было просто, на пустынной дороге никто бы не помешал ему. Уже позже будет установлено, что Зодиак физически силен. Тогда это было не важно: у него был пистолет, а главное, полная уверенность в своих силах. Дэвида он убил прямо возле машины - точнее, смертельно ранил, но какая разница? Не было сомнений в том, что Дэвид умрет. Он был не так важен, как его невеста.

С ней Зодиак позволил себе поиграть. Он мог застрелить ее так же быстро, но вместо этого разрешил рвануться к лесу. Бетти Лу даже успела отбежать от машины - прежде чем получила пять пуль в спину. Дело было сделано, Зодиак вернулся в свою машину и уехал, никто не помешал ему, и никто его не видел.

Начало серии кровавых убийств было положено.

– У этих убийств есть и общие черты, и серьезные различия, – сказала Анна. Она сейчас не просто обращалась к своему спутнику, ей тоже было проще соотносить одно с другим, проговаривая это. – Речь даже не о Дэвиде, не о второй жертве. Мы можем, как бы кощунственно это ни звучало, пренебречь им и сопоставить Марианну только с Бетти Лу Дженсен. Сходство в том, что обеим убийца позволил отбежать в сторону, дал время, чтобы полностью осознать свою участь. Это куда более жестоко, чем убить неожиданно.

– А различие?

– Бетти Лу была случайной жертвой, а Марианна – нет.

Зодиак не был спонтанным убийцей, такие быстро попадают. К каждому убийству он тщательно готовился и старался все учесть. Но на охоту за человеком он выходил так, как иные охотятся на зверя. Он ездил по городам и загородным трассам, выбирая, кто ему подходит. Среди всех его жертв, канонических и нет, был всего один случай, когда возникло подозрение, что он знал убитую и выслеживал именно ее. Да и то не удалось ничего доказать!

Но в случае с Бетти Лу и мысли такой не возникло. Зодиак не знал, что она будет на пустой дороге той ночью. Бетти Лу и сама этого не знала. Он просто дежурил там, где убить было удобней. А с Марианной не все так просто. Да, ее поездка тем вечером была непреднамеренной. Но, по подсчетам Анны, погибшая выехала из загородного дома примерно за пятнадцать минут до того, как оказалась на месте нападения. Еще полчаса до этого она собиралась. Если убийца следил за ней, у него было достаточно времени, чтобы подготовиться к перехвату.

Возможно, он готов был убить ее той ночью так или иначе, ее поездка в загородный коттедж была давно запланирована. Когда стало ясно, что она уезжает, он увидел великолепную возможность. Если все рассматривать именно так, муж действительно становится главным подозреваемым. Полиция его оправдала, и все равно Анна хотела поговорить с Дмитрием Доброхотовым лично. Порой один взгляд в глаза значит больше, чем десяток полицейских отчетов.

Муж погибшей жил в старом пятиэтажном доме. Судя по показаниям знакомых, Дмитрий и Марианна купили эту квартиру меньше года назад, незадолго до свадьбы. Они считались образцовой парой – красивой, счастливой, влюбленной. Никто не верил, что Дмитрий мог ее убить. Но ведь если бы он был расчетливым маньяком, он бы вел себя точно так же, правда? Так что Анна не слишком верила вдохновенным словам друзей подозреваемого.

Да и полиция ничего на веру не принимала. Гораздо важнее для следствия было то, что в ночь убийства Дмитрий находился на работе. Он таксовал, то, что он был занят, подтверждали показания навигатора, а еще – слова клиентки, которую позже удалось отыскать. Она готова была подтвердить, что Доброхотов подвозил ее из аэропорта примерно в то же время, когда погибла его жена. Это никак не позволяло ему оказаться на месте убийства.

Так что его отпустили, оставили наедине со своим горем. Дмитрий никуда не переехал и от встречи не отказался. Не пришлось даже врать ему, он особо не интересовался, кто они такие. Похоже, эти месяцы мало что для него изменили, он все еще не оправился от шока.

Встреча с ним лишь подтвердила это. Дверь квартиры им открыл высокий тощий мужчина, потерявшийся в безразмерном свитере и ставших большими джинсах – похоже, он похудел. Анна знала, что ему двадцать шесть лет, но выглядел он теперь намного старше. Бледный, осунувшийся, круги под глазами, взгляд воспаленный, не безумный, но – потерянный. В доме было тепло, однако Дмитрий постоянно натягивал рукава до самых пальцев, не в силах согреться.

Все указывало на то, что в этой квартире он продолжил не жить, а существовать. Здесь было убрано – так, как оставила Марианна. Но внушительный слой пыли показывал, что Дмитрий чистотой как раз не интересовался. Он просто не трогал то, что не было ему совсем уж необходимо. Возле плинтусов в коридоре и комнатах постепенно накапливались шарики пыли.

Они прошли на кухню, и там тоже царил «пассивный беспорядок»: никакой грязи, просто запустение. Возле микроволновки стояла кофейная чашка со следами помады. На ней собралась пыль.

– Простите, кто вы? – нахмурился Дмитрий. – Я забыл.

– Мы из полиции, – заверила его Анна.

Леон ничего не стал говорить, просто показал удостоверение. О том, что это подделка, мало кто догадался бы, а уж Дмитрий был не в том состоянии, чтобы даже прочитать имя предполагаемого следователя. Он лишь рассеянно кивнул и сел за стол, гости последовали его примеру.

– Есть какие-нибудь подвижки? – с надеждой спросил он.

– Мы продолжаем работу. Мы с напарником недавно присоединились к делу, поэтому заранее прошу прощения, если вопросы будут повторяться. Скажите, вы кого-нибудь подозреваете? Враги, бывшие любовники, конкуренты?

Но Дмитрий лишь покачал головой:

– Ничего такого, правда. У нас с Машей была большая любовь. Все ведь о себе так говорят, да? Но у нас по-настоящему! Я со многими встречался, но никого не любил так, как ее. А она ни с кем до меня не встречалась. Ей девятнадцать только исполнилось, когда мы познакомились, и со свадьбой мы не тянули. Маша еще училась, не работала, она никому не могла перейти дорогу. Ее все любили!

Нет таких людей, которых любят все. Но какой смысл объяснять это скорбящему вдовцу?

– Возможно, проблемы ей доставлял незнакомец? – предположил Леон. – Она не замечала преследования? Может, ее кто-то беспокоил?

– Ничего такого. Она бы сказала мне! Она мне полностью доверяла. И я бы ее защитил, я бы смог.

– Возможно, она не сочла это достаточной угрозой?

– Маша была очень осторожной! Мы много времени проводили вместе, много говорили. Никто за ней не следил! Думаете, я не спрашивал об этом?

– Кого?

– Ее подруг! Я тоже все думал: вдруг я что-то проглядел? Я говорил с ними, я их всех знаю. Но они тоже ничего не подозревали! У Маши все было в порядке, она не должна была умереть!

Анна позволила им говорить, а сама наблюдала со стороны. Иногда люди больше доверяют тем, кто похож на них. В этом отношении Леон был Дмитрию ближе – словно они обладали общей тайной, недоступной ей.

Она знала, что Леон будет невольно примерять на себя эту ситуацию. Особенно после того, как он не смог помочь ей сразу после нападения Юпитера! Была у него такая дурацкая привычка, с которой, по-хорошему, нужно было бороться. Но сейчас она приносила пользу, потому что давала ему нужную искренность. Что же до Дмитрия. Он действительно страдал. Можно гримом изобразить болезненность, можно закрыться от мира, симулируя скорбь. Однако кое-что за гранью артистизма.

Его боль была настоящей. Перед ними сидел простой таксист, муж, потерявший жену, предсказуемый в своих эмоциях. Он был бы идеальным подозреваемым – но не более, и в какой-то момент о нем нужно было забыть, чтобы отыскать настоящего убийцу, надежно укрытого в тенях.

* * *

Вся эта история представлялась Ярославу квестом с множеством этапов. Но он о таком, конечно, не распространялся, иначе опять начались бы упреки: ты относишься ко всему недостаточно серьезно, это тебе не игра! Так разве вся жизнь не похожа на игру? Вот и сравнение с квестом вполне уместно.

Первым этапом квеста была встреча с Мирой. Мира, между прочим, могла и не согласиться! Прошел почти месяц с тех пор, как они общались последний раз, да и тогда причина была надуманная. Она все-таки медик, владелица двух клиник, у нее много дел, она сама не раз об этом говорила. Да и потом, Ярослав уже усвоил, что любые дела Юпитера – опасная тема, которую многие осознанно избегают. Так что пройти первый уровень означало получить согласие на встречу.

И тут ему улыбнулась удача. Он не собирался врать Мире, он уже по телефону намекнул, что его интересует. Мира сказала, что он – дурак, что о таком по телефону не говорят, и велела ехать к ней в офис.

Клиника располагалась за городом. Точнее, две клиники, соседствующие на одной территории. Со стороны казалось, что больница, затерянная среди старых деревьев, – это всего лишь элитный реабилитационный центр. Таких не много, но и не так уж мало. Это и была одна сторона бизнеса Миры Сардарян, легальная.

Нелегальная же таилась в некоторых коттеджах на территории комплекса и в подвалах основных зданий. Там проводились операции людям, которые сторонились внимания. Это были преступники – но не всегда. Мира помогала всем, кто не хотел, чтобы о его проблемах со здоровьем узнали посторонние. Собственно, именно поэтому Анна когда-то обратилась к ней.

Но никто не собирался показывать тайные палаты и операционные Ярославу. Его сразу проводили в кабинет Миры, расположенный на верхнем этаже основного здания. Из панорамных окон открывался великолепный вид на лужайки, цветники и близкую линию леса. Здесь было спокойно и уютно – старая мебель, картины на стенах, мягкие диваны и кресла. Он словно пришел в чью-то гостиную! Однако именно таким он и представлял возможный кабинет Миры.

Сама Мира даже не пыталась изобразить гостеприимство. Она наблюдала за Ярославом с холодным равнодушием, и под ее тяжелым взглядом он почувствовал себя неуютно. Не спасало даже то, что белый халат главного врача висел на вешалке у входа, а Мира была в длинном молочно-белом платье, подчеркивающим ее хрупкую фигуру. Все равно невозможно было забыть, кто здесь босс, а кто – незваный гость.

– Солари знает о том, что ты затеял? – осведомилась Мира, не сводя с него взгляда. Ярослав уже был заинтригован тем, сколько эта женщина способна смотреть на него, не моргая.

– Нет, конечно.

– А Аграновский?

- Он знает. Одобряет не до конца.

- То есть, в нем проблески разума сохранились... Что же получается в конце? Один дурак и один полудурок решили прыгнуть в яму, полную змей. Так?

В ее тоне не было язвительности, но это и не требовалось, самих слов было достаточно, чтобы задеть его. Примерно на это, похоже, и рассчитывала Мира: вывести его на конфликт, заставить огрызаться, показать, что он еще, в сущности, мальчишка и не понимает, во что ввязался.

Но Ярослав и сам не был новичком в расследованиях. Он разгадал ее стратегию без особого труда и поддаваться не собирался. Он ответил невозмутимо и дружелюбно, так, словно беседа была совершенно безобидной.

- Да, примерно так все и получается.

Шах и мат, она была удивлена.

- Ты понимаешь возможные последствия?

- Нечего еще понимать. Последствия будут зависеть от моих действий, а я пока ничего не сделал.

- А что собираешься?

- Вычислить всех, кто мог стрелять в Аню. Если получится - того, кто это все-таки сделал. Чтобы сэкономить твое время, скажу: она этого не просила и, если узнает, будет возражать. У нее есть четыре подозреваемых, она считает, что этого достаточно. А я думаю, что нет. Никто по-настоящему не верит, что Юпитер мертв. Нападавший - тем более. Он ждет мести и может снова попытаться использовать Аню, чтобы прикрыться ею.

- Это маловероятно.

- А если все-таки случится? Кто тогда будет виноват?

Ярославу это казалось очевидным, да и Леон, похоже, думал так же. Неясным оставалось, почему сама Анна Солари не решилась на открытое противостояние. Однако это могло быть связано с ее личными отношениями с Юпитером.

Мира откинулась на спинку кресла, размышляя о том, что он сказал. Ярослав не торопил ее, ему нравилось сидеть в ее кабинете и наблюдать за ней. Просто думать о том, какая она красивая – чем не занятие? Но если бы Мира узнала об этом, она бы, возможно, вышвырнула его из окна.

– То, что ты затеял, очень опасно, – наконец сказала она. – Но я предполагаю, что, если я не помогу тебе, ты все равно продолжишь искать, затеешь мышиную возню, которая непременно привлечет к тебе внимание.

– Это плюс-минус мой План Б.

– Что ж. Я сейчас могу позвонить Солари и сообщить о твоей самодеятельности, могу просто выпроводить тебя и могу дать тебе какие-то сведения. В одном случае из трех я тебя остановлю уже сейчас.

Ему хотелось кивнуть. Подтвердить, что так и будет, что она уже может повлиять на его жизнь. Но случай был не тот.

– Если честно, ты меня не остановишь в любом случае, – признал Ярослав.

– Да неужели?

– Ага. Даже если ты позвонишь Ане, что дальше? Она устроит мне головомойку – и только. Она не может мне приказывать. Все, что можно узнать от Леона, я уже узнал. Я все равно буду делать то, что задумал.

– Откуда такое упорство?

– Вот отсюда! – Ярослав продемонстрировал ей руку с еще темным шрамом, оставшимся после ночного столкновения с Юпитером и его людьми. Когда-нибудь это пятно посветлеет и станет куда менее заметным, однако не исчезнет уже никогда. – Может, я и не знаком с ним много лет, как все вы. Но иногда мне кажется, что я знаю его лучше, потому что лишние знания отвлекают, а я. Я

видел его суть. Таких, как он, нужно сдерживать, а не верить, будто все уже хорошо!

Она собиралась его выгнать. Выражение лица осуждающее, вне всяких сомнений, сейчас укажет на дверь. Но вместо этого Мира спросила:

– Так что тебе известно?

– Что Аня подозревает четырех человек. Но имена этих человек она Леону не сказала, только прозвища, да и то, думаю, чтобы он от нее отстал!

– Не сказала имена, чтобы он их не искал. Но с его подачи ты ищешь их по прозвищам. Так не была ли Солари права с самого начала?

– Я не с его подачи их ищу, – возразил Ярослав. – Это была моя идея!

– И отступить ты не намерен, я уже вижу. Мазенцов, пойми вот что: я не в той же компании, что Солари и Юпитер. Я знаю их лишь потому, что частично затянута в мир, где они существуют. Частично! И заползать туда глубже я не собираюсь, не испытываю никакого удовольствия от плавания в болоте. Так что лично у меня нет никаких подозреваемых, и я могу не знать, кто скрывается за этими загадочными прозвищами. Но ты можешь назвать их мне. Посмотрим, будут ли ассоциации.

И вот пройден второй уровень квеста. Ярослав мысленно порадовался этому, но свое торжество никак не выдал, момент был по-прежнему рискованный.

Прозвища, названные Леоном, он никуда не записывал, это сейчас было слишком опасно. Да и так ли сложно удержать горстку слов в памяти?

– Кардинал, Граф Орлов, Фенрир и Бухгалтер.

Ярослав много времени проводил в Сети, поэтому прозвища как таковые его не смущали. Да он там и сам был известен далеко не как Ярослав Мазенцов! Но произносить все это перед Мирой почему-то было неловко. Как будто она не поймет, не сможет верно оценить опасность. Если у людей прозвища, как у подростков каких-то, то и угрозы от них не больше, так?

Однако Мира не рассмеялась, она и бровью не повела. Прозвища она вспоминала так же, как вспоминала бы имена.

– Значит так, – нахмурилась она. – Твоих кардиналов с графьями и прочее дворянство я не знаю. Возможно, и знаю, но под настоящими именами. А вот бухгалтер. Подозреваю, что это не прозвище из Даркнета.

– А что тогда?

– Господи, ну а что означает слово «бухгалтер»? Профессия. Юпитер был гениален во многом, но не во всем. Когда речь заходила об управлении финансами, он привлекал консультантов.

– Не говори о нем в прошедшем времени, он еще жив, – указал Ярослав.

– Вот уж нет! Он вкинул немало денег в постановку своей смерти. Следовательно, он хотел, чтобы мир считал его мертвым. Именно таким я и буду его считать, меньше проблем лично для меня. Что же до твоего загадочного бухгалтера, то, раз Солари включила его в число подозреваемых, это должен быть не просто какой-то разовый консультант, а тот, кто часто появлялся рядом с Юпитером, кому Юпитер доверял.

– И ты знаешь такого человека?

– Догадываюсь о нем, – кивнула Мира. – Вероятнее всего, это Вячеслав Григоров. Он не подчинялся Юпитеру напрямую, но очень часто появлялся рядом с ним. Если учитывать, что официально они дел не вели, можно предположить, что Григоров курировал теневую сторону его бизнеса.

– Ты с ним знакома?

– Поверхностно, однажды привлекала его к делам клиники, но это было давно. Григоров – очень талантливый и влиятельный финансист.

– Достаточно влиятельный, чтобы организовать покушение на Анну?

И снова Мира осталась невозмутима там, где другая женщина уже тряслась бы от страха.

- Да, он мог бы. Но зачем ему это? На вскидку, я не вижу ни одной выгоды для Григорова в том, что Анна Солари умрет.

- Не все в этом мире на виду...

- Нужно ли мне говорить тебе, как опасно к нему соваться?

- Так я и не говорю, что я обязательно к нему сунусь, - обезоруживающе улыбнулся Ярослав.

- Но мне важно знать, с кем я вообще имею дело! Да и потом, я буду осторожен!

- Мило. Только подвох вот в чем: мы оба знаем, что не будешь.

* * *

В том, что это не розыгрыш, сомневаться не приходилось. Понятно, что у пранкеров, зарабатывающих розыгрышами, свое представление о моральном дне. Но даже они еще не дошли до откровенной уголовщины.

Ухо, присланное в редакцию газеты, было настоящим. И так несложно было догадаться, чье оно, однако для протокола экспертизу все же провели. Она лишь подтвердила очевидную догадку: ухо принадлежало Дине Курцевой. Убийца прислал его в газету через три дня после смерти жертвы.

Конечно же, письмо сразу попытались отследить, но это ничего не дало. Убийца использовал курьерскую службу доставки, а туда прислал письмо обычной почтой, оплатил дистанционно, определить того, кто внес платеж, пока не получалось. Похоже, все это было продумано очень тщательно - с учетом камер и свидетелей.

Ну и конечно, к зловещей посылке прилагалось и письмо. Оно было целью всего случившегося, а отрезанное ухо - гарантией, что его воспримут всерьез. Если в

первом случае еще можно было говорить о совпадении и сомневаться, связан ли автор письма с убийством Дины Курцевой, то теперь такой надежды не осталось.

Письмо было написано на простой недорогой бумаге все теми же неровными крупными буквами. Потом убийца, зная, с чем будет соседствовать его послание, защитил текст слоем пластика, и его с легкостью можно было прочитать.

«КАК ВАМ МОЙ ПОДАРОК ЭТО УЖЕ ПЯТАЯ ДА ИХ ПЯТЬ И ЖИРНАЯ СВИНКА НЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЕЕ СТОИЛО УБИТЬ СЛИШКОМ МНОГО МЕСТА ЗАНИМАЛА В МИРЕ КАК И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ МНОГО МЕСТА НЕНУЖНЫЕ ЛИШНИЕ И Я ПРОДОЛЖУ НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ КАК Я УБИЛ ИХ ОНИ БЫЛИ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ ПЯТЬ И ЭТО НЕ ПРЕДЕЛ БУДЕТ БОЛЬШЕ ДАЛЬШЕ ОСТАНОВИТЕ МЕНЯ ЕСЛИ СМОЖЕТЕ НО ВЫ ВЕДЬ НЕ СМОЖЕТЕ И ШЕСТУЮ Я ТОЖЕ РАЗРЕЖУ НА ЧАСТИ И ПРИШЛЮ ВАМ ЧАСТЬ КУСКОВ А ЧАСТЬ БУДЕТЕ ИСКАТЬ».

Естественно, никаких отпечатков и указаний на преступника на письме не было. Однако Леон сильно удивился бы, если бы нечто подобное нашлось. Человек такого ума не попадет на мелочах! Кровь внутри конверта принадлежала Дине Курцевой. Кровь на первом письме тоже распознали – это была кровь Марианны Доброхотовой. Ситуация становилась все сложнее.

– Скажи мне, что у тебя есть хоть какие-то объяснения, – потребовал Чеховский, когда они втроем собрались в его кабинете. – Потому что начальство уже пускает дым из всех мест.

– Объяснений нет, – пожала плечами Анна. – Рано для них еще. Но этим письмом он дал нам очень много информации, с ней и нужно работать.

– Ты издеваешься? Он только все запутал! Что он нам этой писулькой сообщил?

– Да как минимум то, что у него нелады с компьютерами. Он разбирается в них на уровне уверенного пользователя.

С этим Леон был согласен. Во время предыдущих расследований им уже доводилось сталкиваться с преступниками-хакерами. Однако нынешний убийца был не из их числа, и вовсе не потому, что подражал Зодиаку. Зодиак охотился в конце шестидесятых – начале семидесятых, у него не было выбора, кроме как

строчить бумажные письма. У его последователя выбор был куда шире.

Но убийца знал, что компьютерные послания отслеживаются, это сейчас все знают. Зато он понятия не имел, как замаскировать письмо и не привести полицию в свой дом. Ему ближе и понятнее были действия в реальном мире.

– Значит, он читатель «Утреннего вестника»? – задумчиво спросил Чеховский.

– Вовсе не обязательно. Думаю, он выбирал ту газету и ту редакцию, куда проще всего доставить его письма и где они точно будут замечены. Как видишь, он ни разу не потребовал опубликовать письма. Он знал, что редакция и так обратится в полицию, когда увидит кровь, этого ему было достаточно.

– Так, допустим. Но что еще мы можем о нем знать? Что он безграмотный?

– Нет, – покачала головой Анна. – Напротив, при его уме ему несложно быть грамотным. То, что он пишет без знаков препинания, – некая попытка обозначить свой стиль, причем довольно ленивая.

– В первом письме он делал и орфографические ошибки.

– Ну и что? Зодиак их тоже делал, старательно изображая безграмотность. Но подвели его в этом фарсе два обстоятельства. Во-первых, он редко делал одну ошибку в одном и том же слове несколько раз. Это доказывало, что он прекрасно знал, как пишутся слова, он просто кривлялся. Во-вторых, в более ранних письмах и в подставных письмах, которые он оставил без подписи, он писал все верно. Так что ошибки – это просто попытка преступника изобразить кого-то, кем он не является. На такое даже не обращайтесь внимания.

Чувствовалось, что Антону Чеховскому хочется спорить. Не то чтобы для него было так важно правильно оценить грамматические способности убийцы. Просто понимание этого давало ему хоть какое-то чувство контроля над ситуацией.

Будь он чуть глупее, он бы уже выверился на Анну. Однако он сдержался и сменил тему:

– Хорошо, что еще нам нужно знать о нем?

- У него есть доступ к типографскому оборудованию. Ламинирование бумаги и изготовление наклеек с адресом – небольшое искусство, кто угодно бы сделал, но только при доступе к соответствующим устройствам. Он не заказал бы такое в переходе метро, потому что тогда он показал бы сотруднику типографии письмо. Не факт, что он работает в какой-то типографии, но он мог туда зайти. Дальше. Дальше – самое плохое для нас. То, что он замкнул круг.

- В смысле?

- До этого момента убийство Марианны Доброхотовой считалось первым, Дины Курцевой – вторым, и мы четко видели цепь. У первой жертвы он взял фрагмент тела и не заявлял о своем преступлении до того, как убил вторую. У второй он взял другой фрагмент, и тогда его будущие действия казались предсказуемыми.

- Как-то связать ее убийство с третьим, – добавил Леон.

- Вот-вот. Но вместо этого он сразу же отдал нам ухо и заявил о пяти убийствах. Едва обозначив некий почерк, он тут же все отменил. Очень нетипичное поведение.

Леон занимался серийными убийствами не так долго, как она, но и он уже успел кое-что усвоить. Так или иначе, у маньяков вырабатывается почерк. Не для того, чтобы упростить полиции жизнь, они делают то, что для них естественно. Ритуалы доставляют им удовольствие. Порой они понимают, что это приближает их к поимке, но ничего не могут с собой поделать.

А этот преступник мечется, как курица с отрубленной головой. Убивает по-разному, то заявляет о себе, то молчит, то пишет, то не пишет. И все это – при достаточном уме, чтобы избежать улик. Он одновременно неуловим и непредсказуем, с подобным они еще не сталкивались.

- Может, он соврал про пять убийств? – с надеждой поинтересовался Чеховский.

- Может, и соврал, но мы не угадаем. Нужно проверять.

- Э-э. Как ты собираешься такое проверить?

– Поговорив с ним на его же языке, – пояснила Анна. – Нужно дать в СМИ информацию, что автор этих писем пойман.

– Зачем?

– Потому что иначе третьего письма мы можем ждать целую вечность, и оно будет таким, как хочется убийце, а не нам. Думаю, он давно уже все это спланировал. Чтобы чего-то добиться, мы должны изменить обстоятельства, добавить факторы, которые он не мог предугадать.

– Но я не могу объявить о поимке преступника, которого нет! – возмутился Чеховский.

– А если постараться? Чихуша, ты знаешь, что я не люблю тебя учить. Но буду, если сам не справляешься!

Ее план оказался простым, выполнимым – и даже уместяющимся в рамки закона.

Им нужно было загримировать кого-то до неузнаваемости. Впрочем, претендентов на роль «кого-то» оказалось не так много. Взять на себя эту роль Анна не могла: им необходимо было вызвать ревность и зависть убийцы, в случае с конкуренткой-женщиной это невозможно, нужен мужчина. Чеховский участвовать наотрез отказался, это противоречило той репутации, которую он создал для себя в полиции. Оставался Леон, которому эта затея тоже не слишком нравилась, но не настолько, чтобы отказываться.

Его загримировали так, что не узнал бы и старший брат, сфотографировали, а потом заявили всему миру, что он арестован. Неадекватный тип присылал в газету странные письма, назвался убийцей. Хулиганство. Расследование убийств продолжается.

По замыслу Анны, это должно было разозлить убийцу. Он-то был уверен, что сообщает полиции ровно столько, сколько хочет! Но арест предполагаемого «мошенника» подрывал значение его писем. Анна ожидала, что из-за этого он либо отступит, либо пришлет опровержение, причем скоро.

Но был и еще один исход, которого Леон боялся тайно, а Чеховский – открыто:

- Что если он убьет еще кого-то? Просто чтобы доказать, кто здесь хозяин положения?

- Не убьет. Он не спонтанный убийца, есть все основания полагать, что он тщательно выбирал жертв и долго следил за ними. Если он торопится, долго следить не получится, а сбивать свой сценарий он не будет. Ему останется лишь пользоваться теми данными, которые у него и так есть. То есть, сообщить нам больше еще о трех жертвах, доказать, что они действительно существуют. Пока, по двум жертвам, толковый профиль не составлю даже я. Если их будет пять...

- Это будет катастрофа, - простонал Чеховский.

- Это уже катастрофа. Но мертвых мы не оживим, а спасти живых сможем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ol-hovskaya_vlada/legenda-o-zodiake

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)